

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Комедия в 4-х действиях

ДЕЙСТВИЕ I

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Прокофий Иванович Пазухин, купеческий сын, 55 лет.

Мавра Григорьевна, второбрачная его жена, 20 лет.

Василиса Парфентьевна, мать ее, 50 лет; придерживается старых обычаев.

Отставной генерал Андрей Николаич Лобастов, 60 лет, друг старого

Пазухина, отца Прокофия

Иваныча; происхождением из сдаточных.

Отставной подпоручик Живновский, 50 лет.

Никола Велегласный, мещанин; пожилой.

Финагей Прохоров Баев, пестун старого Пазухина.

СЦЕНА I

Небогатая комната в доме Прокофья Пазухина. С боков и посреди сцены двери. У стены диван и несколько стульев базарной работы; перед диваном стол, накрытый ярославской скатертью; на столе закуска и вино в бутылке.

Василиса Парфентьевна, Мавра Григорьевна и Велегласный. (Василиса Парфентьевна одета в темносиний сарафан, сверху которого накинута кафтан такого же цвета; на голове у нее черный миткалевый платок, заколотый булавкой у подбородка; Мавра Григорьевна в цветном сарафане и в черной плисовой душегрейке; на голове у нее так называемая «головка»; Велегласный одет в черную суконную сибирку старинного покроя с вырезкой на груди и с медными дутыми пуговицами по одной стороне вырезки и петлями по другой, сапоги большие.)

Велегласный (держит в руках замавленную рукопись и читает). «Мужие имут носить одяние коротко, выше колону, и штаны натянуты, жены же будут иметь образ бесовский, главы непокро-венны имущи, и на главах имут носить рога скотские и змиины, уподобяся бесу... И тогда будет пришествие антихристово...»

Мавра Григорьевна. Господи! страсти какие!

Василиса Парфентьевна. Да никак уж это и сбывается, Никола Осипыч?

Велегласный. Сбывается, сударыня, сбывается... (Продолжая чтение.) «И возлюбят людие несы-тое лакомство, безмерное питие от травы листвия идоложертвенного, кропленного змеиным жи-ром; от Китян сие будет покупаемо обменю на товары, на осквернение христианских душ... и тогда будет пришествие антихристово...»

Василиса Парфентьевна. Господи! да неужто уж и чайку-то попить нельзя? Велегласный. Не надлежит, сударыня, не надлежит. Идоложертвенное зелие... черви в утробе за-ведутся... И в книжках писано: «китайская стрела в Россию вошла; кто пьет чай, тот спасенья не чай...» Вот от лозы виноградная – это не претит, потому что плод этот красен и преестествен на утеху человекам произрастает... (Наливает рюмку и пьет.)

Василиса Парфентьевна. Уж от чаю-то Прокофий Иванович, кажется, ни в свете не отстанет!

Велегласный. Ну, и унаследит преисподнюю...

Василиса Парфентьевна. Видно, уж тебе, Мавруша, его усовещивать придется...

Мавра Григорьевна. Да нешто он меня послушается, мамонька! Так только, на озорство он меня за себя взял! Как сватался-то, так и бог знает чего насулил, а женился, так в ситцевых сарафанах ходить заставил...

Велегласный. А ты, сударыня, его маленько повымучь, от супружества на

время отставь или иную меру одумай... Вот он и восчувствует...

Мавра Григорьевна. На него эти меры-то не действуют, Никола Осипыч!

(Вздыхает.)

СЦЕНА II

Те же и Баев (старик, не помнящий своих лет, поросший мохом и согнутый, одет в синий кафтан, в руках держит тол-стый березовый сук, на который и опирается).

Баев (сиплым голосом). Здравствуй, матушка Василиса Парфентьевна! как можется?

Василиса Парфентьевна. Слава богу, старина; ты как?

Баев. А мне чего делается? Я еще старик здоровенный... живу, сударыня, живу... Только уж словно и жить-то надоело... (Садится на стул и кашляет.)

Мавра Григорьевна. Водочки, что ли, поднести?

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Баев. Не действует, красавица, не действует! ни поила, ни ества, ничего нутро не принимает... Ох, да уж и стар ведь я, словно даже мохом порос. Василиса Парфентьевна. Ну что, как у вас? Иван Прокофьич здоров ли?

Баев. Рычит, сударыня, с места встать не может, а рычит...

Велегласный. Аки лев рыкаяй ходит, иский кого поглотити...

Баев. Ноги-то у него, знаешь, отнялись, так он лежмя рычит!

Василиса Парфентьевна. Да хоть бы ты, что ли, Прохорыч, его с простого-то ума вразумил... с чего он рычит-то?

Баев. Вразумлял я, пытал вразумлять, только он все рычит... словно он и бог знает какой енарал! (Встает и декламирует, подражая Ивану Прокофьичу.) «И не смей, говорит, мне про подлеца Прокопку поминать! он, говорит, меня антихристом назвал, он желает жить, как дедушки жили, так пущай же, говорит, вместе с дедушками за пестрою свиньей в поросятках ходит! фу-фу-фу!» Вот как осерчал! (Садится.)

Василиса Парфентьевна. Ишь ты!

Баев. Да еще говорит: «Он, говорит, супротив моей воли на поганке женился, чтобы то есть сына своего, Гаврюшу, именем решить, так я, говорит, его самого именем решу, Гаврюшку-то ему заместо отца сделаю!» Даже и не поймешь, что он говорит!

Василиса Парфентьевна. Смотри-ка, уж и жениться нельзя! Не с него ли пример брать, как он гнусным манером весь век изжил!

Баев. И я ему то же говорил: Иван, мол, Прокофьич! разве человеческую плоть легко рассудить! вот я, мол, уж на что стар, а бывает, что сам только дивишься, как защежит! Ну, и в писании тоже сказано: не хорошо, то есть, человеку одному быть, а подобает ему жить с супружницей...

Велегласный. Это справедливо.

Василиса Парфентьевна. И с чего только он остервенился так? давно ли сам-от, не скобля рыла, без стыда в народе ходил... только чудо, право!

Баев. Давно ли, сударыня! сам я своими глазами видал, как в Черноборске исправник пытал его за браду трясти: «не мошенничай, говорит, не мошенничай!», а теперича легко ли дело: и браду свою антихристу пожертвовал да и сына-то обездолил...

Велегласный. «Постризало да не взыдет на браду твою...» И в Стоглаве* [Стоглав* ? памятник церковного законодательства (1551 год), впоследствии осужденный церковью после никонианской реформы.] так сказано! Василиса Парфентьевна (иронически). Оттого, видно, и стал он к бесовскому-то житию очень способен, что исправники его за бороду часто таскали...

Баев. Таскали, это я сам видел, что таскали. То были, сударыня, времена грозные, такие времена, что даже заверить трудно. Ивана-то Прокофьича папынька волостным писарем был, так нынче, кажется, и цари-то так не живут, как он жил! Бывало, по неделе и по две звериного образа не по-кинет, целые сутки пьян под лавкой лежит! Туточка они и капиталу своему первоначало сделали, потому как и волость-то у них все равно как свои крепостные люди были. А Иван-от Прокофьич подрос, так куда тоже ворист паренек стал; ну, папынька-то ихний, видимши такую их амбицию, что как они из-за денег готовы и живого и мертвого оборвать, и благословили их по питейной части итти... Так вот каки времена, сударыня, были!

Василиса Парфентьевна. Ну, а теперь, чай, и вспомнить-то ему про эти времена стыдно: во сне, дескать, все это видел!

Баев. Теперь, сударыня, он в благородные, чу, скоро попадет!

Губернатор-от его уж в надворные советники за общеплезное устройство представил! Только я вот ему намеднись и говорю: Иван Прокофьич! не все ли тебе равно в гробу-то лежать, что купцом, что надворным... только грех, мол, один!

Велегласный. Поменьше-то еще лучше, потому как там маленького-то да смиренного на первое место посадят!

Василиса Парфентьевна. Только чудо, право! Ну, а про духовную разговор у вас не было?

Баев. Поминала было Живоедиха, так куда тебе! еще пуще зарычал! Я, говорит, еще годков пять поживу, да чего, чу! и глупости-то своей до сих пор не оставляет, даже ни на шаг от себя Живое-диху-то не отпускает!

Василиса Парфентьевна. Она, видно, и сплётки-то ему на Прокофья Иваныча плетет!

Баев. Она, сударыня, это именно, что она.

СЦЕНА III

Те же и Прокофий Иваныч (среднего роста, совершенно седой, одет в синий

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru кафтан, носит бороду и острижен по-русски. Входит взволнованный и молча опускается на стул).

Прокофий Иванович. Что ж это будет? что ж это будет? Господи! Родитель на глаза к себе не пускает, сын при всем народе обзывает непристойно... куда ж бежать-то!

Василиса Парфентьевна. Разве случилось что, Прокофий Иванович?

Прокофий Иванович (не слушая ее). Кабы не деньги! Господи, кабы не деньги!.. «Ты, говорит, дол-го ли нас страмить-то будешь?» И это ведь сын родной говорит!.. а как от денег отступишься?

Баев. А ты бы его, сударь, жезлом маленько поучил!

Прокофий Иванович. Уж где мне, Прохорыч! и жезла-то у меня нет! Родитель меня от себя отшат-нул, и оттого, можно сказать, всякий человек меня в родительском доме обругать в силах... От се-стрицы Настасьи Ивановны, кроме как «сиволап», и слова другого не услышишь, супруг ихний, Семен Семеныч, тоже... Даже Живоедиха, и та тебе в глаза наплевать норовит... Уж где мне, Про-хорыч! Разумеется, кабы капитал! (Оживляется и встает.) Д-да! ладно бы, кабы капитал... а без капитала какой же я человек!

Баев. Все же, чай, человек, а не скотина...

Прокофий Иванович. Хуже!.. Ты пойми, старик, что ведь ждать-то ему от меня нечего, стало быть, и уважать меня не из-за чего... Ну, за что он меня почитать будет? Разве я ему припас что-нибудь? Да и связаться-то ему со мной стыдно, потому как он с большими господами компанию водит, а я, слышь, в сермяге хожу!

Василиса Парфентьевна (Велегласному). Хоть бы ты, что ли, отец, утешил Прокофья-то Иваны-ча!

Велегласный. Что ж, я утешать готов, сударыня... (Подходит к Пазухину.)

Вспомни, Прокофий Иванович, как отцы соловецкие за древнее благочестие пострадали: плечи на ударение, хребты на раны, уды на раздробление, телеса на муки предавали.

Василиса Парфентьевна. Эх, отец! да ты дело говори! ты говори, как нам деньги-то достать ста-риковы?

Велегласный. А и деньги добыть можно, надлежит только умудриться, яко змию – и деньги будут!

Баев. Умудрись, сударь, Прокофий Иванович!

Василиса Парфентьевна (толкая Мавру Григорьевну). Да говори что-нибудь, Мавруша! утешай мужа-то!

Мавра Григорьевна. Вот, Прокофий Иванович, Никола Осипыч говорит, что чай пить грешно.

Прокофий Иванович (становится в раздумьи против Велегласного). Д-да... так ты говоришь, что чай пить не следует?..

Велегласный. Не надлежит, Прокофий Иванович! черви в утробе развестись могут.

Василиса Парфентьевна. Оттого-то, может, и мудрости тебе, Прокофий Иванович, бог не дает, что ты законов отеческих не слушаешь!

Прокофий Иванович (задумчиво). Господи! хоть бы поглядел на деньги-то!

Баев. А поди, чай, сколько добра у него в сундуках-то напасено!

Прокофий Иванович. Да, напасено... И напасал-то кто? все я же! я и делами-то всеми управлял, и машину-то всю в ход пустил... (Бьет себя в грудь.) Могу сказать, ни труда, ни поту не жалел... всю душу там положил!.. А обнесут... обнесут меня чарочкой! Теперича все одно, сделает ли или не сделает завещанье... Коли сделает, стало быть, обо мне в нем ни гугу, а не сделает, так при по-следнем часе проходимцы все растащат!.. Оно, конечно, в ту пору и обыскать будет можно... А молодец Гаврилка! как он давеча перед самым моим носом руками размахивал! «Что ж, говорит, ты думаешь, что отец называешься, так я и на пакости-то твои смотреть спустя рукава должен!..» Право, так!

Василиса Парфентьевна. Господи! вот как нынче! сын на отца лезет!

Велегласный. «И тогда будет пришествие антихристово».

Прокофий Иванович. Да еще что говорит! «Я, говорит, и жену-то у тебя отниму, потому что ты старик и жить-то с ней не можешь, как следственно!» Мавра Григорьевна! слышишь?

Мавра Григорьевна (потупляя глаза). Так неужто ж вы против таких его гнусных слов смолчали, Прокофий Иванович?

Прокофий Иванович. Как смолчать? зачем молчать? тоже поговорил! у меня, говорю, и без тебя в дому приказчик молодой найдется! (Смеется насильственно, обращаясь к теще, жене и Веле-гласному.) Анафемы, ч-черти вы этикие! Вы меня на эту линию-то поставили!

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Мавра Григорьевна (обижаясь). Вы, стало быть, обидеть меня хотите,
Прокофий Иванович?

Василиса Парфентьевна. Что ж, на наругательство, что ли, тебе Мавруша-то досталась?

Велегласный. Вспомни, Прокофий Иванович, что в писании о праздном-то слове сказано!

Прокофий Иванович (присмирив и махнув рукой). Какой уж я наругатель! нешто такие бывают на-ругатели! Ты меня прости, Мавра Григорьевна: я уж и от бога-то словно забыт! Господи! в роди-тельском доме на золоте едят, а у меня и товару-то в лавке на тысячу целковых не наберется! За-пил бы вот, да грех, говорят!

Велегласный. Грех, сударь... Вот от гроздия виноградного можно! (Пьет.)

Василиса Парфентьевна. Да удумай ты что-нибудь насчет денег-то, Никола Осипыч!

Велегласный. Хитрое это, сударыня, дело! надобно об нем на досуге поразмыслить.

Баев. А я вот как скажу: пожертвуй ты, Прокофий Иванович, папыньке браду свою! исполни ты прихоть его! пади ты к нему в ножки... простит, простит он тебя!

Василиса Парфентьевна. Что ты, что ты, Прохорыч! да ты разве не знаешь, что на том свете и в рай-то не попадешь, покуда до последнего волоска не отыщешь? Ты и подумать об этом, Проко-фий Иванович, не моги! Издохнуть мне на сем месте, если я в ту пору в глаза тебе при всем народе не наплюю!

Баев. Утрешься, батюшка!

Велегласный. Оно, конечно, зазорно, сударыня, зазорно браду свою на потеху князю власти воз-душныя отдавать, однако ведь и закону, по нужде, премена бывает! На пользу древнему благочес-тию не токмо временное брады стрижение, но и самая погибель души допускается... (Слышен стук подъехавшего экипажа.)

Василиса Парфентьевна. Батюшка, да никак к нам кто-то подъехал!

Велегласный. Мне, видно, уйти, сударыня. (Уходит.)

СЦЕНА IV

Те же и Лобастов. (Лобастов – небольшой человек, очень плотный и склонный к параличу; лицо красное, точно с морозу; пьет и закусывает наскоро, но прежде, нежели положит кусок в рот, дует на него. Он очень жив в своих дви-жениях и редко стоит на месте. В поношенном фраке. При входе его все встают.)

Лобастов. Хлеб да соль, Прокофий Иванович! Ехал вот мимо: думаю, нельзя же милого дружка не проведать!.. Поцелуемся, брат! (Целуются.)

Прокофий Иванович. Милости просим, ваше превосходительство!

Лобастов (подходит к закуске). А! и закуска на столе! Что ж, это дело подходящее! Да уж для ме-ня-то, брат, ты водочки вели принести; я, брат, ведь не ученый, меня виноградные эти вина толь-ко с толку сбивают! Вот и Прохорыч заодно выпьет!

Баев. Выпью, Андрей Николаич, выпью, сударь! Я ведь тоже не больно учен... все пью!

Василиса Парфентьевна. Мавруша! (Мавра Григорьевна уходит.) Сейчас принесут, батюшка Андрей Николаич: мы хоша сами и не потребуем, а про мирских держим... как же! Как вы в сво-ем здоровьи, сударь?

Лобастов. Да что, плохо, сударыня! того и гляди Кондратий Сидорыч хватит... Потудова только и жив, покудова тарелки две красной жидкости из себя выпустишь!.. От одной, можно сказать, вод-ки и поддержку для себя в жизни имею!..

Василиса Парфентьевна. Что ж, сударь, коли на благо и крепость... это ничего! Я и сама, су-дарь, слыхивала, что от водки человек тучен бывает, а тучный человек, известно, против тощего в красоте превосходнее... Как ваша Елена Андреевна в ихнем здоровьи?

Лобастов. Сохнет, сударыня, сохнет...

Василиса Парфентьевна. Чтой-то уж и сохнет! да вы бы, Андрей Николаич, ей мужа, что ли, сыскали: она, сердечная, чай, этим предметом больше и сокрушается!

Лобастов. Знаю, сударыня, знаю! Известно, девическая жизнь; как ее ни хлебай, все ни солоно, ни пресно.

Баев. Это ты, сударь, сущую истину сказал!

Лобастов. Да где его, жениха-то, найдешь! Вот и наклеивался было один соколик, да крылья, вишь, велики подросли, улетел! (Треплет Прокофья Ивановича по плечу.) Да, были бы мы с тобой, брат, роденька теперь!

Прокофий Иванович. Богу, видно, не угодно, ваше превосходительство!

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

Лобастов. Вот вы и рассудите, каково моему родительскому сердцу смотреть, как детище-то мое сохнет! Ведь я, можно сказать, не сегодня, так завтра в будущую жизнь переселиться должен, а у меня, что называется, и чувств-то в естестве, кроме как чадолюбия, никаких не осталось... а она вот сохнет!.. (Начинает ходить по комнате с усиленною поспешностью.) Вы, Василиса Парфен-тьевна, не смотрите, что я водкой заимствуюсь... я хошь и пью, а родительские-то мои чувства пуще от того изнывают... Вот у меня на ломбартном билете птица есть нарисована, так, поверите ли, сама даже своим собственным естеством младенцев-то своих кормит... Вот оно что значит ро-дительское-то сердце!

Василиса Парфентьевна. Что и говорить, Андрей Николаич! Про родительское сердце еще царь Соломон в притчах писал! (Мавра Григорьевна ставит на стол водку.)

Лобастов (наливая). То-то же-с! За ваше здоровье, Василиса Парфентьевна! Сто лет с годом здравствовать! Будьте здоровы хозяин с молодой хозяйкой! (Выпивает.)

Василиса Парфентьевна. На здоровье, батюшка! (Прокофий Ивановыч и Мавра Григорьевна молча кланяются.)

Лобастов (Баеву). Ну, и ты, старина, выпей! (Подает ему рюмку.) Видел, что ли, Ивана-то Про-кофьича сегодня?

Баев. Не видал, сударь, не видал сегодня, да и смотреть-то уж словно неохота!

Лобастов. Что так?

Баев. Да чего хорошего-то увидишь? Чай, сидит да ругается...

Лобастов. Плох уж он стал, куда как плох!

Баев. Плох-то плох, да кто его разберет? Вот он уж четвертый годок так-то все умирает!

Лобастов. Да, умирать-то ему, видно, неохота!

Баев. А отчего бы, сударь, неохота? По мне, хоть сейчас перед владыку небесного... боюсь, что ли, я смерти! Ни у кого я ничего не украл, не убил, не прелюбы сотворил... да хоть сейчас приди, курносая.

Прокофий Ивановыч. Это, ваше превосходительство, точно-с.

Лобастов. Нет, Прокофий Ивановыч! не говори, брат, этого! Уж кто другой, а я знаю, что значит умирать! Такие, знаешь, старики перед глазами являются, каких и отроду не видал!

Прокофий Ивановыч (махая головой). Ссс...

Василиса Парфентьевна. Скажите на милость! какие же это старики, Андрей Николаич? настоя-щие, что ли, или так только воображение одно?

Лобастов. Д-да... я таки два раза обмирал... совсем даже думал, что в будущую жизнь переселил-ся... И вот какой, доложу вам, тут случай со мной был. Звание мое, как вам известно, из простых, так в двенадцатом году я еще лет осмнадцати мальчишка был... Проходили мимо нашей деревни французы, мародеры по-ихному прозываются, и как были мы тогда вне себя, изымал я одного французишку, да тоже и свою лепту-с... Так поверите ли? как обмирал-то я, этот прожженный французик... так, сударь, языком и дразнит! так и дразнит!.. Так вот она что значит, смерть-то!

Прокофий Ивановыч. Уж кому же, ваше превосходительство, умирать не тошно! Уж на что скоти-на бесчувственная, а и та перед смертью тоскует!

Лобастов. Да; а Ивану-то Прокофьичу и вдвое против того умирать тошнее... Поди-ка, чай, у него в шкатулке-то благ земных сколько! (Треплет Прокофья Ивановыча по плечу.) Ты как насчет этого думаешь, приятель?

Прокофий Ивановыч (кланяясь). Не могим знать, ваше превосходительство! (Тяжело вздыхая.) Ко-ли и есть деньги, так они папенькины, а не наши!

Баев. Да не можно ли тебе будет, Андрей Николаич, Прокофья Ивановыча с папынькой-то свести? Денег-то ему, вишь, больно уж жалко! Ведь и невесть кому они в руки попадут!

Прокофий Ивановыч (кланяясь). Кабы сделали вы, ваше превосходительство, такую милость... Ко-нечно, против папеньки вина наша очень большая, однако мы всякое раскаянье с своей стороны принести готовы...

Лобастов. Гм... да я, признаться, насчет этого предмета и приехал к тебе...

Прокофий Ивановыч (кланяясь). Побеседуемте, ваше превосходительство!

Лобастов. Только, брат, это такое дело, что мне с тобой с глазу на глаз побеседовать нужно.

Василиса Парфентьевна. Что ж, мы и уйдем, сударь! беседуйте тутотка на прохладе... Прохорыч! пойдем-ка в стряпушую; там и еще рюмочку поднесу. (Все уходят.)

СЦЕНА V

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

Прокофий Иванов и Лобастов.
Лобастов (вполголоса), А старик-то, брат, очень ведь плох... не сегодня, так завтра богу душу от-даст... ты это знаешь?
Прокофий Иванов. Где ж нам, ваше превосходительство, знать? меня ведь, oprичь передней или кухни, в горницы-то и не пускают.
Лобастов. Жаль, брат, мне тебя, куда как жаль!.. Я, брат, хоть и генерал, а добрый... я вот тобой не гнушаюсь, сам к тебе приехал... ты это пойми!
Прокофий Иванов. Мы, ваше превосходительство, завсегда понимать готовы, не знаем, как уж и чувствовать все ваши милости!
Лобастов. Сегодня поутру даже за мной посылали, духовную писать удумал... так уж был плох!
Прокофий Иванов (взволнованный). Так, стало быть, написали духовную-то? Лобастов. А ты слушай, голова! Приезжаю я к нему, а там уж и Семен сидит, да такой, знаешь, ласковый, хвостом махает, а глазами-то так в него и врезался... Ну, и Гаврило Прокофьевич, сынок-то твой, тоже... этот, однакож, больше по питейной части распоряжается. А он только лежит да стонет: прискорбно, видишь, ему, что не привел бог в благородном звании скончаться! Ну, по-стояли мы этак около него с полчаса: дали ему выговориться-то... Только Семен и лезет к нему: «Паленька, говорит, не угодно ли будет вам христианский долг исполнить?» да духовную-то в руки и сует. Хорошо. Только, что бы ты думал, он на это ответил? Как швырнет, сударь, ему в самую рожу духовную-то, так куда и болезнь девалась! «Вы, говорит, видно, смерти моей хотите! так я, говорит, еще вас всех переживу!» И с той самой минуты даже как ни в чем не бывал! Так Семен-то, поджавши хвост, такого стречка дал, что я только подивился! А Анна Петровна так ра-зинувши рот и осталась!
Прокофий Иванов (отдохнув). Стало быть, еще, слава богу... наша правда не потеряна, ваше превосходительство!
Лобастов. Оно, конечно, брат, правда дело хорошее, однако ты не больно на нее полагайся! Дру-гой раз, пожалуй, и подмахнет духовную, особливо если без памяти будет!
Прокофий Иванов (кланяясь). Уж сделайте ваше одолжение, посоветуйте мне что-нибудь, ваше превосходительство!
Лобастов. А у меня, брат, с тобой не совет, а уговор будет. Я, брат, человек русский, люблю чай с калачами пить, а пустяки городить не люблю... да и не поверишь ты мне, как я в любви перед то-бой рассыпаться стану...
Прокофий Иванов. Это точно, что не поверю, ваше превосходительство!
Лобастов. Ну то-то же! Так уговор у меня будет такой: чтобы первое, коли все, с божьей помо-щью, у нас устроится, так быть Леночке беспременно замужем за Гаврилом Прокофьевичем, а не захочет волею, так ты его в ту пору можешь и пострадать по-родительски...
Прокофий Иванов. Это будет в нашей власти, ваше превосходительство.
Лобастов. А второе, чтобы Гавриле Прокофьевичу, как он женится, третья часть всего капитала была отдана...
Прокофий Иванов (кланяясь). Не много ли будет, ваше превосходительство? Ведь тятенькин ка-питал не маленький-с, так предостаточно бы и четвертой части...
Лобастов. Ведь этакой ты зверь, Прокофий Иванов! ничего еще в руках-то у тебя нет, а уж торгу-ешься!
Прокофий Иванов. Да больно уж будто обидно будет, ваше превосходительство!
Лобастов. Да ведь он сын тебе, пойми ты это! Ведь ему, пожалуй, и весь капитал-то достанется, если я участия своего тут не покажу.
Прокофий Иванов. Помилуйте, ваше превосходительство, мы это очень понимать можем. (Кла-няется.) Нельзя ли уж на четвертой-то части, ваше превосходительство?
Лобастов. Ну, черт с тобой! четверть, так четверть; я человек добрый! Только ты смотри, не на-дуй же меня.
Прокофий Иванов. Как же это возможно, ваше превосходительство!
Лобастов. То-то! а то вы, ерихоны, только и видел вас, покуда деньги в карман положить не успе-ли! Теперь-то вот ты кланяешься, а в ту пору, как получишь свое, так и спину, пожалуй, пока-жешь.
Прокофий Иванов. Мы, кажется, еще в эвтом малодушестве не замечены, ваше превосходитель-ство!
Лобастов. То-то же! а не то ведь со мной расправа короткая: я жаловаться не буду, а собственны-ми своими руками рыло твое в один момент в решето превращу... я, брат, не побрегаю!

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Прокофий Иванович. Допустим ли мы себя до того, чтоб ваше превосходительство ручки свои беспокоили! (Кланяется.)

Лобастов. Ну, ладно. Теперича, стало быть, я ручаюсь, что духовной не будет, а в случае, если дойдет до того, чтоб ему ноги кверху, так и весть тебе будет подана. (Смотрит на часы.) Однако прощай, брат!

Прокофий Иванович. Что ж скоро нас оставляете? Откушайте еще хоть рюмочку, ваше превосхо-дительство!

Лобастов. Разве уж на дорожку. (Пьет.) А все-таки, брат, не мешало бы и тебе в нашем деле мне посодествовать... Брось, любезный, мочалку-то свою!

Прокофий Иванович. То есть вы это о бороде говорить, ваше превосходительство, изволите?

Лобастов. Ну, разумеется.

Прокофий Иванович (подумав немного, решительно). Это можно, ваше превосходительство!

Лобастов (несколько озадаченный). Ай да молодец, Прокофий Иванович! вот подарил-то, дружище! Поцелуемся, брат! (Целуются.)

Прокофий Иванович. Потому нам, ваше превосходительство, это можно, что мне теперича самому этот сюжет очень поперек стал! Я так даже удумал, что если мне бог поможет папеньку на ми-лость склонить, так я и тещу Василису Парфентьевну и всю эту шаверу из дому метлой... потому как я своим лицом никаких против просвещения резонов не имею, а только Василиса Парфентьевна через Мавру Григорьевну на мою плоть действует... так я теперича и Мавру Григорьевну из своих рук поучить могу, если шибко мне прекословить будет!

Лобастов. Ну, и славно! Только, смотри же ты не надуй меня... видит бог, живого тогда не остав-лю!.. Поцелуемся, брат! (Целуются.)

Прокофий Иванович. Прощенья просим, ваше превосходительство. (Уходит.)

Сцена несколько времени остается пустою.)

СЦЕНА VI

Прокофий Иванович (возвращается). Четвертую часть!.. не жирно ли будет? Эк ведь отвалил! Я и сам тоже жить хочу; ты не смотри на меня, что я смиренный да в сермяге хожу – мне эти глупости-то уж вот как надоели!

Довольно того, что жениться Гаврилку на твоём выродке заставлю... А ведь довольно будет забавно, Гаврилка, как ты с этакой-то сорокалетней девчищей под венец пой-дешь! А пойдешь, брат, хоть и будет у тебя сердце воротить, пойдешь... Я свой долг благодарно-сти перед его

превосходительством исполнить должен – это так! Ну, и старость мою тоже

утешать будешь... (Задумывается.) А что, если да он меня обманет, или хоть просто ничего в мою пользу сделать не успеет? Господи! да что ж это

такое будет? И из-за чего я весь этот раздор зате-ял? так вот дурость

напала! А ведь и нравом-то я весь в папеньку вышел; оттого-то, может, и

разговор у нас завязался! он говорит «да», а я говорю «нет», да тут еще

и сарафанныи по-доспели... так-то-с!.. (Вздыхает.) Теперь вот и

оскобли, пожалуй, рожу, так и то еще не подействует... Первое дело, он

хоть и любит, чтоб ему покорялись, а тоже ведь понимает, об чем

естество-то человеческое тоскует! А второе дело, и не подпустят меня к

нему... особливо этот Семен! Вот, я вам доложу, смрадная-то скотина,

даром что статский советник!.. Ну, а если да этому Семену отступного

под-сунуть?.. А ведь недурно я это загадал! Конечно, генерал обещал, да

ведь кто его знает, как он там успеет, а как сам со всех сторон дело

обделаешь, так и совесть-то будет словно покойнее...

СЦЕНА VII

Прокофий Иванович и Живновский.

Живновский (высовывая голову из средних дверей). Почтеннейшему

благодетелю Прокофию Ивановичу нижайше кланяюсь.

Прокофий Иванович (вздвогнув). Тьфу ты пропасть! Ты, что ли, Федор Федорыч?

Живновский. Я, Прокофий Иванович, все я-с; отдохнуть к вам от трудов

пришел, ну, и водочки, может, поднесете... Не мало-таки мы сегодня с

вашим родителем маялись!

Прокофий Иванович. А что?

Живновский. А как же, сударь! и в аптеку сбегать, и за лекарем, все я-с!

Ведь уж и духовную се-годня Иван-то Прокофьич написали...

Прокофий Иванович (в испуге). Что ты! что ты! да ты не ври!

Живновский. Вот умереть хоть сейчас, если не написали! Сам своими

глазами, сударь, видел! Семен Семеныч и писал-то!

Прокофий Иванович (растерянный). Что ж это Андрей-то Николаич! Господи! да

ты врешь, про-ходимец ты этакой?

Живновский. Зачем врать, Прокофий Иванович? Сам, сударь, своими ушами

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru слышал, как читали; шесть недель нищих кормить приказал, чтобы за душу-то его, значит, бога молили.

Прокофий Иванович. Именье-то, именье-то кому?

Живновский. А имения, говорит, внуку моему Гавриле часть, дочери моей любезной Настасье Ивановне часть, да на построение храмов божиих часть, а сыну моему любезнейшему Прокофию Ивановичу родительское мое благословение...

Прокофий Иванович. Да что ж это такое будет? грабить, что ли, они меня хотят? резать, что ли, хотят? (Не помня себя, бросается на Живновского.)

Нет, ты скажи, зарезать, что ли, меня при-шел?.. Батюшки! православные! грабят!

СЦЕНА VIII

Те же и Василиса Парфентьевна и Мавра Григорьевна (вбегают испуганные).

Василиса Парфентьевна. Что такое? что еще случилось?

Прокофий Иванович (бросив Живновского, мечется по комнате). Портного!

цырульника! (Рвет себя за бороду.) Да возьмите вы ее, ешьте вы ее...

Лошадь скорее! шапку! где моя шапка?

Василиса Парфентьевна. Да образумься: куда ты бежать-то хочешь?

Прокофий Иванович (останавливаясь). Куда бежать?.. Господи! и бежать-то некуда! зарезали ме-ня! погубили!

(Занавес опускается.)

ДЕЙСТВИЕ II

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фурначев, статский советник, 55 лет.

Настасья Ивановна, жена его, 30 лет.

Прокофий Иванович.

Лобастов.

Анна Петровна Живоедова, 40 лет, сирота, из благородных, живущая в доме старика Пазухина в качестве экономки.

Лакей.

СЦЕНА I

Театр представляет кабинет статского советника Фурначева. Посреди сцены большой, письменный стол, на котором во множестве лежат дела и бумаги. По стенам несколько кресел, а налево от зрителей диван; мебель обита драдеда-мом; в одном углу шкаф, в котором расставлены: свод зако-нов и несколько других книг. В середине комнаты дверь. Семен Семеныч, одетый в халат, сидит за письменным столом, углубившись в чтение «Московских ведомостей». Фурначев принадлежит к разряду тех людей, которых называют солидными; он большого роста, с приличным чину брюшком, ходит прямо, говорит медленно и с достоинством; манеры и движения имеет начальственные. Фурначев (прерывая чтение). Итак, в настоящем году следует ожидать кометы! Любопытно бы, однакож, знать, что предвещает это знамение природы? Гм... Комета, сказывают, будет необыкновенная, с чрезвычайным хвостом... Стало быть, хвостом этим и землю задеть может... странно! что ж тогда предположения человеческие? иной копит богатства вещественные, другой богатства душевные, один плачет, другой смеется... бьются, режутся, проливают кровь, разрушают города и вновь созидают... и вот! Иной философ утверждает, что мир – вода, другой, что мир – огонь, и что же из всего этого вышло? Только та одна истина, что человеческому мышлению предел положен! Однако, эта комета непросту... что-то будет? Если война будет, то должна быть кровопролитная, потому что и комета необыкновенная... Во всяком случае рекрутский набор будет... (Вздыхает.) Мудры дела твоя, господи! так-то вот все дела человеческие на практике к одному концу приводят: там, в небесных сферах, комета совершает течение, на концах земли кровь проливается, а в Крутогорске это просто-напросто рекрутский набор означает! {Слышен стук в дверь.} Кто там? Голос за дверью. Это я, душенька.

Фурначев. Можешь войти, Настасья Ивановна.

СЦЕНА II

Фурначев и Фурначева (дама еще не старая и очень полная; одета по-домашнему в распашной капот).

Настасья Ивановна. Я, душечка, к тебе.

Фурначев. Что ж, милости просим, сударыня.

Настасья Ивановна. Я, душечка, думала, что ты заперся и деньги считаешь.

Фурначев (с скрытою досадой). Рассудительный человек никогда таким вздором не занимается, потому что во всякое время положение своих дел знает... Рассудительный человек досуги свои посвящает умственной беседе с отсутствующими. (Указывает на «Московские ведомости».)

Настасья Ивановна. Будто ты уж никогда и не считаешь деньги?

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Фурначев. Что ж тебе угодно, сударыня?

Настасья Ивановна. А я, душечка, на тебя поглядеть пришла. Сидишь все одна-одинешенька, никакого для души развлечения нет.

Фурначев. Скоро вот комета будет.

Настасья Ивановна. Что ж такое это за комета?

Фурначев. Звезда небесная, сударыня. Является она в години скорбей и испытания. В двенадцатом году была видима... тоже при царе Иване Васильиче в Москве явление было... звезда и хвост при ней...

Настасья Ивановна. Да уж хоть бы комета, что ли, – скука какая!

Фурначев. Вот вы, сударыня, женщины всё так: вам бы только поегозить около чего-нибудь, а там что из этого выйдет, хоть даже народное бедствие, – вам до этого дела нет. Правду говаривали старики, что женщина – гостиница жидовская.

Настасья Ивановна. За что ж ты ругаешься-то, Семен Семеныч? Конечно, лучше на комету по-смотреть, нежели одной в четырех стенах сидеть... Ты лучше скажи, был ты у папеньки?

Фурначев. Был, сударыня.

Настасья Ивановна. Ну, что ж, умирает?

Фурначев. Умирал было, да вдруг опять жив и здоров сделался.

Настасья Ивановна (зевая). Господи! скука какая! целый вот век умирает, и все не умрет! Как это ему еще жить-то не надоело!

Фурначев. А я все-таки тебе скажу, что у тебя язык только по-пустому мелет. Конечно, если б Иван Прокофьич духовную в нашу пользу оставил... (спохватясь), то и тогда бы не следовало же-лать смерти родителя.

Настасья Ивановна. Будто ты уж и не желаешь папенькиной смерти! Хоть бы при мне-то ты об добродетели не говорил!

Фурначев. Добродетель, сударыня, украшает жизнь человеческую; человек, не имеющий добро-детели, зверь, а не человек!.. Разумеется, если б почтеннейший Иван Прокофьич этак вдруг богу душу отдал, то есть без размышления, как птицы, например, небесные, ну, тогда, конечно, Хри-стос бы с ним: пожил человек, свое дело исполнил!

Настасья Ивановна. А все-таки ты, стало быть, папенькиной смерти желаешь!.. (Зевает.) А на что тебе деньги? только согрешенье с ними одно!

Фурначев. Деньги, сударыня, всякому человеку надобны... Даже нищий на улице стоит, и тому деньги надобны: потому он и руку христовым именем протягивает!

Настасья Ивановна. Дети, что ли, у тебя есть? Так вот, только бы нахапать побольше, а зачем, и сам, чай, не знаешь. (Фурначев углубляется в чтение газеты.) Даже противно смотреть на тебя, какую ты из-за денег личину перед папенькой разыгрываешь! Если б еще своих не было! Кому-то ты их оставишь, как умрешь? (Входит лакей.)

Лакей. Анна Петровна приехала.

Фурначев. Проси. (Лакей выходит.) Ты хоть при ней-то, сударыня, глупостей своих не говори.

Настасья Ивановна. Вот бы вас вместе женить; по крайней мере, была бы парочка.

СЦЕНА III

Те же и Живоедова (одета в распашной капот, набелена и нарумянена; ростом видная и корпусом плотная).

Живоедова. А я, Настасья Ивановна, к вам. Давеча супруг-то сказал, что неможется вам... (Целуются.)

Настасья Ивановна. Под ложечкой что-то...

Фурначев. Уж чего под ложечкой! (Живоедовой.) Вчера, сударыня, так накушалась, что даже ды-ханье ночью-то остановилось!

Живоедова. Да вы бы, сударь, не давали бы им этак-то кушать!

Фурначев. Нельзя, Анна Петровна, нельзя-с. Пробовал уж я, да только время понапрасну потра-тил, а время, известно вам, такой капитал, которого не воротишь. Всякий капитал воротить можно, а время воротить невозможно...

Настасья Ивановна. Ну, как дома, Анна Петровна?

Живоедова. Да что дома? Не знаю уж как и сказать-то: иной раз видится, будто умереть ему надо, а иной раз будто жить хочет... Измучилась я с ним совсем.

Фурначев. Для вас, почтеннейшая Анна Петровна, уж одно то как должно быть прискорбно, что в глазах ваших страдает особа, которой вы, можно сказать, с детства облагодетельствованы.

Живоедова. Что и говорить, Семен Семеныч! Конечно, кому другому ничего...

Фурначев. Нет, моя почтеннейшая, не говорите этого... всякому, даже

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru бесчувственному человеку, и тому прискорбно!

Живоедова. Всё не супротив моего! Ведь я, сударь, с пятнадцати лет с ним в грехе: еще мале-хонькую меня родители-то ему продали!.. Разумеется, кабы духовная... слова нет, хорошо, кабы духовная! А то, сударь, и ни с чем пойдешь, только слава, что дворянского рода!

Фурначев. А вы бы вразумили папеньку-то, Анна Петровна!

Живоедова. А как ты его вразумишь! вот он лежит, как чурбан, да привередничает... Я уж и то ему грозила: придется, мол, тебе, Иван Прокофьич, перед царя небесного предстать! спросит он тогда тебя, на кого, мол, ты Аннушку оставил? Так он, сударь, только засмеялся на это: «я, гово-рит, еще годков с пять проживу!» да намеднись что еще выдумал: поди, говорит, Аннушка, сюда: я хошь погляжу... Ах, тяготы-то наши только никому неизвестные!.. А вот Андрей Николаич еще говорит, что меня бог милостью сыскал!

Фурначев. Что и говорить, моя почтенная! Уж ваша жизнь какая! вы дама в самой поре, вам бы жениха да и жениха еще надобно... Вот и я часто Настасье Ивановне говорю: что-то поделывает наша почтенная Анна Петровна? вот истинная-то страдальца!

Настасья Ивановна. Уж что правда, то правда, Анна Петровна; я вот хоть и дочерью папеньке прихожусь, а, кажется, ни за что бы на свете этакой муки не вытерпела.

Фурначев. Ничего, бог милостив, не останетесь без возмездия...

Вспомните, сударыня, что бог на небеси призывает труждающихся!

Живоедова. Так-то так... хорошо, кабы ваша правда была, Семен Семеныч. А то вот как придется на старости-то лет опять в чужие люди итти!

Фурначев. Не говорите этого, сударыня. Бог именно видит, кто чего заслуживает, а добродетель-ные люди всегда и на семи на том свете мзду для себя получали. Это уж я по себе заключать могу.

Живоедова. Хорошо, кабы на сем-то, Семен Семеныч, а то вот Прокофий-то Иваныч думает, что и раздор-то весь промеж них через меня вышел, так он с меня и рубашку-то последнюю, пожалуй, в ту пору сымет... А разве я виновата тут? Разве виновата я, что он не захотел сермяжником ос-таться, да и сына обнатуриться нудить стал? Разве не говорила я в ту пору Прокофию-то: подари ты ему мочалку-то свою! да не женись на Маврушке! Так он не то чтобы доброго слова послу-шаться, еще выдумал на другой день в баню с супругой-то пойти: это, говорит, по старому рус-скому обычаю. Только смех, право!

Фурначев. Да, крепонек-таки любезнейший братец.

Живоедова. Вы одно то возьмите, что у него сын ведь есть, тоже чин имеет, у губернатора по по-ручениям служит!.. А ну, как он, губернатор-от, проведдавши про такой-то страм, да спросит Гав-рюшеньку-то: «а чей, мол, это отец без стыда безо всякого гнусным манером в баню ходит?» Ведь тогда молодцу-то от одного от страму хоть в тартарары провалиться!

Настасья Ивановна. Просто даже скверно смотреть на этого Прокофья, голубушка Анна Петров-на. Намеднись вот в церкви, так при всех и лезет целоваться – я даже сгорела от стыда... Вы возьмите, Анна Петровна, я ведь статская советница, в лучших домах бываю, и вдруг такой аф-ронт!

Живоедова. А ведь это он, сударыня, с озорством сделал. Он даром что смирно смотрит, а ведь тоже куда озороват!

Настасья Ивановна. И я то же говорю, да вот Семен Семеныч все не верит... кабы не Семен Се-меныч, так я бы, кажется, давно ему в бороду наплевала.

Фурначев. Излишняя чувствительность, Настасья Ивановна, ведет лишь к гибели. Кто может предвидеть, какими тайными путями ведет провидение человека? По моему мнению, почтенней-шая Анна Петровна, человек самое несчастное в мире создание. Родится – плачет, умирает – плачет.

Следовательно, Настасья Ивановна, нам нужно с кротостью нести тяготы наши. Так ли?

Живоедова. Это правда, Семен Семеныч.

Фурначев. Ты бы вот, Настасья Ивановна, в горячности чувств своих, плюнула Прокофью Ива-нычу в бороду, а кто знает? может быть, еще и пригодится тебе эта борода? Человек в своей кич-ливости предпринимает иногда вещи, в которых впоследствии горько раскаивается, но недаром гласит народная мудрость: не плюй в колодезь – испить пригодится... может быть, почтеннейший Прокофий Иваныч и есть тот самый колодезь, о котором гласит пословица? Каково же тебе, суда-рыня, будет, если после испить-то из него придется?

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Настасья Ивановна. Чтой-то ты, душечка, как говоришь скучно! Даже спать хочется.

Фурначев. Полезные истины всегда скучно выслушивать, сударыня. Только зубоскальство мод-ных вертопрахов приятно ласкает слух женщины. Но истина, хотя и не столь привлекательна, зато спасительна. Так ли, почтеннейшая Анна Петровна?

Живоедова. Мудрено чтой-то вы говорите, Семей Семеныч.

Фурначев (снисходительно улыбаясь). Ну-с, будем говорить попроще... Что касается до духовной, то и я сам, моя любезнейшая, того мнения, что Иван Прокофьич ее не сделает, и Прокофий Ива-ныч, стало быть, естественным образом достигнет желаемого.

Живоедова. Ведь он с меня рубашку снимет, Семен Семеныч!

Фурначев. Это дело возможное, сударыня.

Живоедова. Хоть бы вы научили, как помочь-то этому?

Фурначев. Я об этом предмете желал бы иметь с вами откровенный разговор, Анна Петровна.

Настасья Ивановна. Мне уйти, что ли?

Фурначев. Можешь уйти, Настасья Ивановна, – мы не долго... (Настасья Ивановна уходит.)

СЦЕНА IV

Те же, кроме Настасьи Ивановны.

Фурначев (притворяя плотно дверь). Мне с вами, Анна Петровна, по душе побеседовать надо.

Живоедова. Что ж, Семен Семеныч, извольте беседовать.

Фурначев (вполголоса). Я, сударыня, думаю, нельзя ли тово... (Идет снова к двери и, посмотрев, нет ли кого за нею, возвращается.) Насчет этого мы, кажется, оба согласны, что на духовную на-дежды мало; ведь в его мнении что духовную написать, что умереть – все один сюжет-с; стало быть, того не миновать, что не нынче, так завтра все Прокофью Иванычу достанется...

Живоедова. Это, сударь, по всему видимо, что к тому дело клонит.

Фурначев. Стало быть, вы размыслите только, любезная Анна Петровна, какие последствия вы-дут для вас из этого обстоятельства. Во-первых, он вас в ту же минуту из дому выгонит...

Живоедова. Ох, батюшка, лучше и не говори!

Фурначев. Нет, сударыня, истину всегда выслушать полезно. Стало быть, он вас выгонит – это первое. Вы возьмите, моя почтенная, как вам тогда жить-то будет! Вы человек нежный, при-выкли и кусок сладкий съесть, и на кровати понежиться и то, и другое, и третье... Каково же, су-дарыня, как вам вдруг голову приклонить негде будет? Как вам, может быть, в глухую темную ночь или в зимний морозный день придется в одном, с позволения сказать, платье христовым име-нем убежище для себя выпрашивать?

Живоедова. Ох, батюшки, чтой-то уж ты больно страшно говоришь! Неужто это и может статья?

Фурначев. Станется, сударыня, непременно станется... Но будем продолжать. Во-вторых, я пола-гаю, что вы и об законном супружестве иногда помышляете?

Живоедова (задумчиво). Хорошо бы, Семен Семеныч, уж куда бы как хорошо! Хоть бы вы обо мне, сироте, подумали, да из палатских за кого-нибудь высватали...

Фурначев. Это можно, сударыня. Сам я ведь знаю, что в супружеском состоянии великие сладо-сти обретаются... Только ведь вы за какого-нибудь не пойдете, вам надобен человек солидный-с... Ну, а солидному человеку и супругу надобно такую, чтобы могла за себя отвечать. Красота телес-ная – тлен, Анна Петровна; умрем мы – что же от нее, от этой красоты, останется? Страшно ска-зать – один прах! Красота душевная, бесспорно, тоже вещь капитальная, но развращение века уж таково, что нравственные красы пред коловратностью судеб тоже в онемение приходят... Стало быть, солидному-то человеку капитал нужен настоящий-с.

Живоедова. Понимаю я это, Семен Семеныч, очень понимаю.

Фурначев. А если понимаете, так дело, значит, в том состоит, каким, образом добыть приличный капитал, и об этом-то намерен я с вами теперь беседовать. (Снова подходит к двери, заглядывает в следующую комнату и возвращается. Вполголоса.) В каком месте, сударыня, у Ивана Прокофьи-ча сундук с капиталами находится?

Живоедова. Сами, чай, знаете, Семен Семеныч, что в опочивальной под кроватью сундук.

Фурначев. Это, сударыня, не хорошо. (Задумывается.) А. часто ли Иван

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Прокофьич себя поверяет?

Живоедова. Каждый день, сударь. У него, у голубчика, только ведь и радости, что деньги считать! Утром встанет, еще не умоется, уж кричит: Аннушка! сундук подай! ну, и на сон грядущий тоже.

Фурначев. И это не хорошо, сударыня. Позвольте, однакож. Так как Иван Прокофьич находится в немощи и, следовательно, нагибаться сам под постель не в силах, из этого явствует, что обязанность эту должен исполнять кто-нибудь другой...

Живоедова. Я, сударь, лазию.

Фурначев. А так как, вследствие той же немощи почтеннейшего Ивана Прокофьича, вы не можете не присутствовать при действиях, которыми сопровождается проверка...

Живоедова. Присутствую, Семен Семеныч, это правда, что присутствую. Только он нынче стал что-то очень уж сумнителен, прогнать-то меня не может, так все говорит: отвернись, говорит, Аннушка, или глаза зажмурь...

Фурначев. Стало быть, вы не видите, что он делает?

Живоедова (вздыхая). Уж как же не видеть, Семен Семеныч!..

Фурначев. Стало быть, вы можете сообщить и нужные по делу сведения... Например, как велик капитал почтеннейшего Ивана Прокофьича?

Живоедова. Велик, сударь, велик... даже и не сообразишь – вот как велик... Так я полагаю, что миллиона за два будет...

Фурначев. Это следовало предполагать, сударыня. Иван Прокофьич – муж почтенный; он, можно сказать, в поте лица хлеб свой снискивал; он человеческое высокоумие в себе смирил и уподобился трудолюбивому муравью... Не всякий может над собой такую власть показать, Анна Петровна, потому что тут именно дух над плотью торжество свое проявил. Во всяком случае, моя до-рогая, вы, я полагаю, были достаточно любознательны, чтоб осведомиться, в каких больше документах находится капитал Ивана Прокофьича? то есть в деньгах или в билетах? и если в билетах, то в «именных» или «неизвестных»?

Живоедова. Больше на неизвестного, Семен Семеныч! а есть малость и именных.

Фурначев. Это, сударыня, хорошо... (Шутливым тоном.) Так, по моему мнению, почтеннейшая наша Анна Петровна, смысл басни сей таков, что вы на первый случай одолжите нам слепочка с ключа или замка, которым «тяжелый сей сундук» замыкается.

Живоедова. Как же это, Семен Семеныч, слепочек? я что-то уж и не понимаю.

Фурначев. А вы возьмите, сударыня, вощечку помягче, да и тово-с... (Показывает рукой.)

Живоедова (задумчиво). А ну, как он увидит?

Фурначев. Вы это, сударыня, уж под кроваткой сделайте: это вещь не мудрая – можно и в поте-мочках сделать.

Живоедова. Да мне что-то все боязно, Семен Семеныч: мое дело женское, непривычное... ну, как увидит-то он? куда я тогда с слепочком-то поспела?

Фурначев. Увидеть он не может-с; надо не знать вещей естества чтобы думать, что он, находясь на кровати, может видеть что под кроватью делается... Человеческому зрению, сударыня, пределы положены; оно не может сквозь непрозрачные тела проникать.

Живоедова. Да ведь я, Семен Семеныч, женскую свою слабость произойти не могу... я вот, кажется, так и издрожусь вся как это дело сделаю. А ну, как он в ту пору спросит: «ты чего, мол, дрожишь, Аннушка? ты, мол, верно, меня обокрала?» Куда я тогда поспела! Я рада бы радостью, Семен Семеныч, да дело-то мое женское – вот что!

Фурначев (в сторону). Глупая баба! (Громко.) Если он и сделает вам такой вопрос, так вы можете сказать, что от натуги сконфузились... такой ответ только развеселит его может, сударыня.

Живоедова (робко). Ну, а потом-то что, Семен Семеныч?

Фурначев. А потом, сударыня, мы закажем себе подобный же ключ, и как начнет он умирать... Впрочем, сударыня, подробности заранее определить нельзя; тут все зависит от одной минуты.

Живоедова. Да зачем же ключ-то фальшивый! Как он помрет, можно будет и настоящий с него снять...

Фурначев. Первое дело, грех мертвого человека тревожить... интересы свои соблюдать можно, а грешить зачем же-с? А второе дело, может быть, неровен случай, и при жизни его придется эту штуку соорудить, при последних, то есть, его минутах... поняли вы меня?

Живоедова (робко). А как же насчет денег-то?

Фурначев. В этом отношении вы можете положиться на мою совесть, сударыня. Труды наши общие, следовательно, и плоды этих трудов должны

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
быть общие.

Живоедова. То-то, Семен Семеныч... Да мне как-то боязно все... как это слепочек... и все такое.

Фурначев. Однако нет, Анна Петровна... это уж вы, значит, своего счастья не понимаете... (Слы-шен стук в дверь.) Кто там еще?

Голос Настасьи Ивановны. Кончили вы, душечка? можно войти?

Фурначев (Живоедовой). Вы это сделаете, почтеннейшая Анна Петровна!..

Можешь войти, Настасья Ивановна, мы кончили!

СЦЕНА V

Те же и Настасья Ивановна.

Настасья Ивановна. Наговорились, что ли? Ну, теперь, голубушка Анна Петровна, и закусить не мешает.

Фурначев. Помилуй, сударыня, давно ли, кажется, обедали – и опять за еду! ведь ты не шутишь та-ким манером объесться можешь!

Живоедова. И, батюшка, это на пользу!

Настасья Ивановна. Я вот то же ему говорю... Да ведь и скука-то опять какая, Анна Петровна! Книжку возьмешь – сон клонит; чтой-то уж скучно нынче писать начали; у окна поглядеть ся-дешь – кроме своей же трезорки, живого человека не увидишь. Хоть бы полк, что ли, к нам по-ставили! А то только и поразвлечешься маненько, как поешь.

Живоедова. У вас же, поди, еда-то не купленная!

Настасья Ивановна. Нет, голубушка, вот нынче Антип Петрович завод закрыл, так муку тоже покупаем... (Вздыхает.) А конечно, в ту пору, при Антип-Петровичевом заводе, жить лучше было: первое, что и мука и весь провиант непокупной, а второе, что свиней одних у него там бардой откармливали!

Живоедова. Да что, мать моя, правду ли говорят, что от барды-то у свиней мясо словно жесткое бывает?

Настасья Ивановна (вздыхая). Конечно, не смею солгать, голубушка Анна Петровна, барденная скотина все не придет противу хлебной... (Вздыхает.) Ну, да на наши зубы и то хорошо!

Живоедова. Разумеется, даровому коню что в зубы смотреть... Так пойдем, что ли, закусить, ма-тушка? По мне, поди, старик-то давно стосковался.

Фурначев. Пожалуйте, сударыня. (Уходят.)

СЦЕНА VI

Фурначев (один).

Фурначев. Ну, кажется, с божиею помощью, это дело уладится... Вот Настасья Ивановна говорит: куда деньги копишь? Глупая баба! деньги всякому нужны: с деньгами всякая тварь человеком де-ляется, без них и человек тварью станет. Господи! давно ли, кажется, давно ли! давно ли я боси-ком, в одной рубашонке к отческому дому гусей загонял! давно ли в земском суде, в качестве пис-ца, для старших в кабаке за водкой бегал и за все сии труды не благодарность, а единственно коло-тушки в награду получал! И как еще колотили-то! Еще хоть бы с рассуждением, туда, где помягче, а то просто куда рука упадет – как еще жив остался! И вот теперь даже подумать об этом как-то странно! Кожа на ногах сделалась тонкая, тело белое, мягкое, неженное... и говорят еще, зачем тебе деньги! Как зачем? Вот я еще немножко здесь позаимствуюсь, потом перееду в Петербург, пушусь в откупа, а там кто знает, какую роль провиденье назначило мне играть? Вот намердись Василий Иваныч из Петербурга пишет, что у них на-днях чуть-чуть откупщика министром не сделали... что ж, это правильно! потому что откупщик – он всю эту подноготную, как «помилуй мя, боже» заучил! Ну а что, если и я?... Нет, лучше бросить эту мысль!.. Ну, а если?... ведь бывали же такие примеры! (Повергается в мечтательность.) Или вот суету мирскую брошу, от дел удалюсь, да и стану в правительствующем сенате на крылечке, с залогами в руках, отступного поджидать... я, дескать, в дела входить не желаю, я, по милости божией, много доволен, а вот отступным не побрезгуем-с... хе-хе-хе!.. Ведь достиг же я статского советника, происходя чорт знает из какого звания... даже сказать постыдно! А все деньги! Анна Петровна сказывала, что у старика до двух миллионов – ну, положим, хоть полтора... Если из них двести... нет, сто девяносто тысяч «именных» Прокофью... Что ж, ему это достаточно! Платками да ситцами торговать можно и на сто рублей! Да в делах, да в залогах, да в недвижности еще сколько! И все это Прокофью... предостаточно! Ну, десять тысяч Живоедовой за труды... остальные... (Входит лакей.) Ну, что там еще?

Лакей (конфиденциально). Прокофий Иваныч пришли.

Фурначев. Ах! а Анна Петровна еще здесь?

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Лакей. Здесь-с.

Фурначев. Ах ты, господи! Уведи, уведи, братец, ты этого Прокофья: скажи, чтобы на кухне обо-ждал, покуда эта ведьма тут. (Лакей уходит.)
Что бы ему, однакож, за надобность до меня?

Живоедова (появляясь в дверях). Прощайте, Семен Семеныч, мне уж и до дому пора.

Фурначев. Прощайте, сударыня; Ивану Прокофьичу наше почтение... скажите, что мы за него денно и ночью к престолу всевышнего молитвы воссылаем!

(Живоедова уходит.) Что ж бы, однако, ему за надобность?

СЦЕНА VII

Фурначев и Прокофий Иваныч. (Прокофий Иваныч, не говоря ни слова, несколько раз кланяется.)

Фурначев. Здравствуй, любезный друг! ты не посетуй, что дожидаться заставил, тут Анна Пет-ровна была. Да у меня и на кухне хорошо.

Прокофий Иваныч. Помилуйте, ваше высокородие!

Фурначев. Ну, что новенького?

Прокофий Иваныч. Мы люди темные, ваше высокородие: целый день все в лавке сидишь... хошь и бывают новости, так самые, можно сказать, несообразные...

Фурначев. Можешь присесть, любезный.

Прокофий Иваныч. Нет, уж позвольте постоять, ваше высокородие...

Фурначев (в сторону). Стало быть, нужду до меня имеет! (Громко.) Как хочешь, любезный, я не неволю... а слышал, комета новая проявилась?

Прокофий Иваныч. Как же-с, вот Дементий Петрович из Москвы пишет, что надо звезде быть... там, слышь, много об этом в простонародьи толков идет.

Фурначев. Какой это Дементий Петров? тот, что ли, что наемщиками торгует?

Прокофий Иваныч. Тот самый-с.

Фурначев. Знаю, имел дела по рекрутскому присутствию... Человек основательный!

Прокофий Иваныч. Он теперь уж большими делами занимается... Нынче, сказывают, с наемщи-ками-то хлопот да строгостей...

Фурначев. Нет, отчего же? можно и нынче? Это все одни наругатели слух пускают, что нынче будто бы свет наизворот пошел, а он все тот же, как и прежде был! Да разве Дементий-то в «раз-врате» состоит?

Прокофий Иваныч (мнется). Да-с, ваше высокородие... он... точно... старинных обычаев держит-ся...

Фурначев. Похвального мало. Умрет, как собака, без покаяния. Что ж он еще пишет?

Прокофий Иваныч. Да что пишет-с? Пишет, что великому надо быть перевороту, примерно, так даже думать должно, что и кончина мира в скорости наступить имеет.

Фурначев. Ну, а ты как?

Прокофий Иваныч. Мы что, ваше высокородие! Мы, можно сказать, на земле, каков есть червь, и тот не в пример превосходнее нашего будет... Мы даже у родителя под гневом состоим.

Фурначев. Поди сюда. (Прокофий Иваныч подходит.) Видишь ты этот стол?

Прокофий Иваныч. Вижу, ваше высокородие.

Фурначев. Ну, если я этот стол отсюда велю переставить к стене, будет ли от этого светопрестав-ление? Как по-твоему?

Прокофий Иваныч. Отчего, кажется, тут светопреставлению быть!

Фурначев. Ну... теперь возьми ты, вместо стола, звезду и переставь ее с востока к западу – сле-дует ли из этого, чтоб кончина мира была?

Прокофий Иваныч. А Христос их знает, ваше высокородие! Мы тоже не свое болтаем... нам пи-шут так.

Фурначев. Я тебе вот как на это скажу, что за такие безобразные толки надо в Сибирь ссылать... А ты коли понимаешь, что они вздор, так презри их, а не то чтоб в народ пущать! Тебе больше ничего не надобно?

Прокофий Иваныч (с расстановкой). Я к вашему высокородию за советом пришел.

Фурначев. Ну?

Прокофий Иваныч. Мы так уж удумали... чтоб нам тятенькиной воле... покориться надоть...

Фурначев (с невольным испугом). То есть как? что ты там, любезный, городишь?

Прокофий Иваныч. Точно так-с; нам без родительского благословения жить невозможно.

Фурначев. Что ж, и с украшением своим, чай, расстанешься? (Указывает на бороду.)

Прокофий Иваныч. Помилуйте, ваше высокородие!

Фурначев. Фрак наденешь, голову а ла чорт побери уберешь... ты, брат, уж

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru прежде показаться приди.

Прокофий Иванович. Помилуйте, ваше высококородие, кабы не нужда наша...

Фурначев. Что ж, любезный друг, это дело хорошее. Родительскую волю уважать надо. Только если ты насчет наследства хлопочешь, так это напрасно: папенька вчерашний день и духовную уж совершил. (В сторону.) Припугнуть его!

Прокофий Иванович (таинственно). Мне на этот-то счет и желательно бы с вашим высококородием разговор иметь.

Фурначев. Разговаривай, братец, разговаривай.

Прокофий Иванович. Я так скажу, ваше высококородие, что если бы да этой духовной не было, так я тому человеку, который мне эту спекуляцию устроит, хорошую бы от себя пользу предоставил.

Фурначев. Это резон... а как, например?

Прокофий Иванович. Да если бы, например, миллион, так сто бы тысячек...

Фурначев (в сторону). А не дурно, придумал бестия!.. Кабы на жадного человека, так и успел бы, пожалуй! Посмеяться разве над ним? (Громко.)

Нет, уж прибавь еще полсотенки.

Прокофий Иванович. Ну, и полсотенки прибавить можно.

Фурначев. А чем же ты меня заверишь, что обещание твое не на воде писано?

Прокофий Иванович. Неужто уж, ваше высококородие, мне не верите?.. Я готов хошь какой угодно образ со стены снять...

Фурначев. Да-да... так ты непременно хочешь бороду-то себе обрить?

Прокофий Иванович. Да-с, это наше беспременное намеренье.

Фурначев (пристально глядит ему в глаза). Ты за кого же меня принимаешь?

Прокофий Иванович (оторопев). Помилуйте, ваше высококородие...

Фурначев. Нет, ты скажи, за кого ты меня принимаешь? Если ты пришел предложить мне про-дать почтенного старика, которым я, можно сказать, от головы до пяток благодетельствован, ста-ло быть, ты за кого-нибудь да принимаешь меня? Если ты пришел мне рассказывать, как ты веру переменять хочешь, стало быть, ты надеешься встретить мое одобрение? За кого же ты меня принимаешь? (Наступая на него.) Нет, ты сказывай!

Прокофий Иванович. Помилуйте, ваше высококородие...

Фурначев. Нет, ты ведь по городу пойдешь славить, что я с тобой заодно! ты вот завтра бороду себе оголишь, да пойдешь своим безобразным родственникам сказывать, что статский советник Фурначев тебя к такому поступку поощрил!.. (Скрещивая на груди руки и сильнее наступая на не-го.) Так ты, стало быть, ограбить семью-то хочешь? Ты, стало быть, хочешь ограбить своего един-ственного сына и отдать отцовское достояние, нажитое потом и кровью... да, сударь, потом и кро-вью! на поругание встречной девке, которую тебе вздумалось назвать своею женой? И ты хочешь, чтоб я был участником в таком деле? Ты хочешь, чтоб я в пользу твою продал и честь и совесть, которым я пятьдесят лет безвозмездно служу!.. (С достоинством.) Так у меня, сударь, беспороч-ная пражка есть, которая ограждает меня от подобных подозрений!.. Вон! (Прокофий Иванович хо-чет удалиться, но в это время дверь отворяется и входит Лобастов.)

СЦЕНА VIII

Те же и Лобастов.

Лобастов. Семену Семенычу наше наиглубочайшее! А! и ты, брат, Прокофий Иванович, здесь?

Фурначев. Очень рад, очень рад, ваше превосходительство! милости просим! у меня же тут кста-ти анекдот забавный случился... (Прокофий Иванович хочет уйти.) Нет, любезный друг, теперь стой! Я хочу, чтобы целый свет узнал, каковы твои нравственные правила!

Прокофий Иванович (жалобно). Помилуйте, ваше высококородие... ведь старик уж я! Фурначев. Тем более, сударь, стыда для тебя: молодой человек может отговариваться неопытно-стью...

Лобастов (с расстановкой). Д-да?.. стало быть, случилось что-нибудь?..

Фурначев. Представьте себе, что почтеннейший благодетель явился ко мне с предложением насчет смерти нашего уважаемого Ивана Прокофьяча! Как вы думаете, хорош поступок со сторо-ны почтительного сына? (Прокофий Иванович поникает головой.)

Лобастов (пристально смотря в лицо Прокофью Ивановичу). Д-да? так вот ты, брат, как? (Проко-фий Иванович отворачивается.) Нет, ты посмотри мне в лицо-то!

Фурначев. И представьте себе, что он мне за эту механику полтора-ста тысяч предлагает... Шутка сказать, полтора-ста тысяч! (Прокофью Ивановичу с чувством собственного достоинства.) За кого же вы меня, сударь, считали, спрашиваю я вас?

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Лобастов (Прокофью Иванычу). А это, брат, ты не дурно придумал!.. Гм...
свинья, брат, ты!

Фурначев. Так как же вам, ваше превосходительство, кажется поступок
этого почтительного сы-на? Да главное-то, впрочем, я и забыл вам
сказать: ведь почтеннейший Прокофий Иваныч с зав-трашнего дня бороду
бреет и одевается в пиджак!..

Прокофий Иваныч (в сторону). Господи!

Фурначев (обращается к Прокофью Иванычу). Государь мои!

безнравственность вашего поступ-ка так велика, что я за омерзенье для
себя считаю называться вашим родственником... Идите, го-сударь мой, и
помните, что сколько почтенна и достохвальна добродетель, столько же
гнусен и непотребен порок!

(Занавес опускается.)

ДЕЙСТВИЕ III

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван Прокофьич Пазухин, 75 лет, купец первой гильдии и потомственный
почетный граж-данин,
занимающийся откупам и подрядами.

Прокофий Иваныч.

Фурначев.

Лобастов.

Живновский.

Настасья Ивановна Фурначева.

Леночка Лобастова, 30 лет, девица.

Живоедова.

Баев.

СЦЕНА I

Довольно обширная гостиная в доме старого Пазухина. В середине комнаты и
направо от зрителя двери; налево три окна. В глубине сцены, по обеим
сторонам дверей, диваны с стоящими перед ними круглыми столами; по
стенам и по бокам диванов расставлены кресла и стулья, обитые малиновым
штофом; вообще, убранство комнаты свидетельству-ет, что хозяин дома
человек богатый. Утро. На одном из столов поставлена закуска.

Живоедова и Лобастое.

Лобастов (закусывая). Какой же это, сударыня, слепочек?

Живоедова. Да вот с ключика или с замка, который у сундука-то... Так я,
говорит, по образу и по подобию другой ключик такой закажу, а как начнет
старик-то кончатся, так вы, мол, мне тихим манером весть дайте...

Лобастов. А я, дескать, приду, ключиком сундучок отопру да что следует
оттуда и повыну...

Живоедова. Ну, так, сударь, так!

Лобастов. А деньги поровну?

Живоедова. По-моему, надо бы поровну, а там ведь господь его знает, что
у него на душе... Этого-то я и боюсь!

Лобастов. Это вы правду, сударыня, сказали, что чужая душа потемки. А я
так думаю, что тут и сомненья держать не в чем.

Живоедова. Ты, стало быть, думаешь, что он обидит?

Лобастов. А то как же? Сами вы, голубушка, рассудите, из каких ему
расчетов с вами делиться? Если б еще вы были человек чистый, если б сами
не были в это дело со всех сторон запутаны, ну тогда, конечно, можно бы
с ним поговорить. А то вообразите вы себе то: ну, приступите вы к не-му,
скажете: «отдай половину», а он вам на это: «нет, мол, половины много, а
вот, дескать, тебе на чай синенькую...»

Живоедова. Чтой-то, уж и синенькую!

Лобастов. Положим, вы так ему и скажете, а он вам на это: «довольно,
мол, с тебя и этого будет!»

Живоедова. Да ведь я, сударь, горло ему перегрызу, я сударь, наследникам
все открою; у меня язык-то тоже не купленный!

Лобастов. Положим, что и это вы ему объясните. Так ведь он, сударыня,
знаете ли что вам отве-тит: «у тебя, скажет, самой хвост-от в грязи; я,
скажет, только деньги взял, а ты, мол, и ключ фальшивый составила, так
разве хочешь итти вместе на каторгу?» Ну, может, и еще тут рубликов с
пяток набавит. Так на каторгу-то, чай, вы не пожелаете?

Живоедова. Кому охота! Да чтой-то ты, сударь, все пять да пять рубликов
заладил – а ты говори дело!

Лобастов. А дело, сударыня, тут в том состоит, что Семен Семеныч
обширного ума человек!

Живоедова (тоскливо). Да ты хоть бы присоветовал что-нибудь, Андрей

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Николаич; право, точно уж ты чужой человек.

Лобастов. Тут надо, сударыня, чтобы с чистою душой человек был, чтоб ухищрениям Семена Семеныча свой оплот поперек поставить.

Живоедова. Да ведь я еще слепочка-то ему не давала... (Вздыхая.) Уж, видно, ин бросить эту за-тею!

Лобастов. Зачем же-с? Затея эта хорошая, только надо ее обеспечить. Это вы хорошо, Анна Пет-ровна сделали, что мне сказали, потому что я тут могу многое... Да вы, пожалуй, и еще кому, по женской своей слабости, передали?

Живоедова. Оборони бог!

Лобастов. То-то же-с. Так мы вот что на первый раз с вами положим: как начнет Иван Прокофьич кончаться, так вы заодно с Семен Семенычем и мне потихоньку шепнуть пришлите... да мне-то бы даже немножко попрежде-с.

Живоедова. А я знаешь, что удумала: нечем к Семену Семенычу посылать, так мы бы вдвоем это дело сделали?

Лобастов. То есть обобратить-то-с?

Живоедова. Да не обобратить – что ты, сударь, в сам деле, как говоришь! Обобратить да обобратить, только и слов у тебя! Не обобратить, а попользоваться.

Лобастов. Не могу-с, грех-с.

Живоедова. Да что ж за грех?

Лобастов (прерывая ее). Грех, сударыня.

Живоедова. Ну, ну ладно, пусть Семен Семёныч старается. Только ты меня уж, сделай милость, с ним заодно не обмани. Вспомни ты, Андрей Николаич, что я кругом сирота, да и дело-то мое та-кое, что я с женским с своим умом никаких этих делов не понимаю. Так не обмани же ты меня!

Лобастов. Обмануть мне вас, сударыня, нельзя да и не расчет, а только уж вы меня в третью часть примите.

Живоедова (вздыхая). Уж что с тобой делать! Все лучше, нечем как он в сам-деле синенькой-то отпотчует! (За дверьми слышится звонок.) Чу!

Лобастов. Посиди здесь, Андрей Николаич, по-тешь старика-то!

Лобастов. Посажу, сударыня, посажу.

СЦЕНА II

Лобастое (один). Так ты меня, сиволап Прокопка, надуть хотел! с Семеном снюхаться вздумал! Так вот бог-то и наказал тебя; теперь посмотрим, кто кого обведет! Однако надо действовать ос-торожно: пускай Семен же и обличает его перед отцом... Ну, теперича, кажется, не отвертись ты от меня, Гаврило Прокофьич! Нет, брат, как зубы-то на полку положить придется, так поневоле караул закричишь да к нам прощения просить придешь!.. Эх, Леночка! все для тебя, сударыня, на старости лет работаю!

СЦЕНА III

Лобастое, и Живоедова; через несколько времени является живновский.

Живоедова. Сейчас выедет...

Лобастов. Ну, что он сегодня, как?

Живоедова. Весел, сударь, радошен...

Живновский (показываясь в дверях). Я, почтеннейшая благодетельница, на минуточку.

Живоедова. Уж чего, чай, на минуточку; ты только языком говоришь, что на минуточку; часто уж повадился!

Живновский. Я, пожалуй, и уйду, сударыня.

Лобастов. Вздор, любезный, без хлеба-соли из гостей не уходят... выпьем!

Живновский. Я, ваше превосходительство, от этого никогда не отказываюсь. По-моему, это неучтиво!

Лобастов. Что говорить – выпьем!

Живновский (Живоедовой). Ваше здоровье, благодетельница! Дай вам бог полнеть, добреть да богатеть, да женишка чтобы такого... чтоб искры из глаз посыпались! (Пьет.)

Лобастов. Ай да молодец! (Смеется.) Какого жениха-то пожелал: чтоб искры посыпались! Ай да поручик!

Живоедова. Ведь чего только не скажешь ты, стрекоза! Ну, уж посиди-ин; вот уж Иван Про-кофьич выедет, так потешишь его, старика. (Боковые двери растворяются, и из другой комнаты показывается большое и длинное кресло, подталкиваемое сзади двумя лакеями. На кресле, утопая в подушках, лежит Иван Прокофьич, старик худой и слабый; одет в халат, и ноги закутаны в меховое одеяло; в руках у него трость, которою он в раздумьи чертит по одеялу. Лакеи, под-катив кресло на середину комнаты, удаляются.)

Лобастов. А вот и он, легок на помине!

СЦЕНА IV

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Те же и Иван Прокофьевич.

Лобастов. Здравствуй, брат, Иван Прокофьевич! Каково, сударь, спал? веселые ли сны во сне ви-дел?

Иван Прокофьевич (слабым голосом). Плохо, Андрей Николаич, только провалялся с боку на бок. Теперь еще как будто поотлегло, а вчера с вечера да сегодня утром даже словно как в тумане был.

Живновский. Полноте, благодетель, еще поживете. Вот мы вам здоровья пожелаем. (Подходит к закуске и пьет.)

Иван Прокофьевич. Ничего, братец, даже не чувствую. Давеча и Аннушку не узнал.

Лобастов. Это, сударь, худо.

Живоедова. Уж и как худо-то! (Плаксивым голосом.) Я к нему подхожу давеча с ложечкой, а он, голубчик, смотрит на меня да и говорит: «ступай, говорит, ты прочь, а пошли ко мне Аннушку!» Так во мне даже сердце-то все перевернулось!

Живновский. Это вы точно правду сказали, матушка Анна Петровна! Я вот сколько уж раз при последних минутах присутствовал – и однакож никак не могу привыкнуть... все, знаете, сердце в груди перевертывается!

Иван Прокофьевич. У тебя оно, поди, уж наизнанку выворотилось! Что нового, Андрей Николаич?

Лобастов. Да что, сударь, новенького? В газетах вон всё про звезду какую-то пишут.

Иван Прокофьевич. Эта, брат, звезда недаром.

Лобастов. Шумаркают то же и в народе, да ведь в народе, сами знаете, всегда всякая несообразность ходит.

Живоедова. Вот бы у Прокофья Иваныча спросить: он бы растолковал.

Иван Прокофьевич. Да, брат, он на это мастер... Слыхал ты, как он число 666 толкует?

Живновский. Я так думаю, благодетель, что водка дороже будет... вам же лучше!

Иван Прокофьевич. Разрешил!

Лобастов. Что комета-с! Вот это получше кометы будет: я уж полковником был, батальоном, су-дарь, командовал, а князь Семиозерский у маменьки под юбочкой еще квартирование имел, а те-перь вот читаю в газетах – произведен, сударь, в генералы! Так это получше кометы будет!

Иван Прокофьевич. Ну, а еще каких производств нет ли?

Лобастов. Федулов из полковников тоже в генералы произведен.

Иван Прокофьевич. Какой это Федулов? комиссариатский, что ли?

Лобастов. Тот самый.

Иван Прокофьевич. Ну, этому следует. Хороший человек! Я, сударь, с ним дела имел по поставкам, так именно беспокойства никакого не знал. Что следует отдашь, а уж там зажмуря глаза при-нимают.

Лобастов. Зато нашего брата, батальонного командира, каким товаром награждают... ай-люли!

Иван Прокофьевич. У вас, брат, сойдет!

Живновский. Именно сойдет, благодетель! По служению моему в Белобородовском гусарском полку случилось мне иногда эти вещи принимать – так именно удивляешься только! решето ре-шетом, а сходит! А потому это, я вам доложу, сходит, что пригонка тут важную роль играет! Жи-вот, знаете, подтянут, там урвут, в другом месте ущипнут, ну и создают из праха здания!

Иван Прокофьевич. Ты, брат, тоже, видно, пригонку-то эту знаешь!

Живновский. Я чего не знаю, благодетель! только не оценил меня князь, а то на что бы ему луч-ше полицеймейстера! Вы спросите, в каких только я переделках не бывал!

Живоедова. Представь хоть что-нибудь, потешь Ивана Прокофьевича за хлеб за соль.

Живновский (становясь в позицию). Слыхали ли вы, например, благодетель, что значит жидов травить? А я, сударь, не только слыхал, но в подробности эту штуку знаю, потому что она мне кровных своих родовых двести душ стоила!

Лобастов. Молодец, брат!

Живновский. А слышали ли вы, что значит, например, от живого мужа жену увезть... и этак без малейшего с ее стороны согласия? А я, сударь, не только слыхал, но и испытал и даже отдан был за это под суд!

Живоедова. И за дело, сударь! Против желанья даму увезти – это уж последнее дело!

Живновский. А слышали ли вы, что значит купца третьей гильдии, тоже против собственного его желанья, телесному наказанию подвергнуть? А я,

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru сударь, подвергнул, и даже не отвечал, потому что купец, по благоразумию своему, согласился взять с меня двести рублей на мировую...

Иван Прокофьич. Дурак, должно быть, купец сыскался. От другого ты и двумя тысячами бы не отъехал.

Живновский. А слышали ли вы, что значит родного отца в рекруты отдать?..

Лобастов. Ну, брат, заврался! Это происшествие-то ведь известное... не клеpli на себя.

Живновский (не смущаясь). Положим-с. А слышали ли вы?..

Живоедова. Ну, уж перестань лучше, батюшка, ты, пожалуй, такое что брякнешь, что женскому уху и слушать-то не надлежит.

Живновский. И вот, как видите, здоров и невредим предстою пред вами!

Иван Прокофьич. Ну, чай, бока-то помяли тоже?

Живновский. Если уж и помяты бока, то не людьми, а судьбою, Иван Прокофьич! Судьба, это правда, никогда меня не жаловала, и можно сказать, всякое лыко в строку писала... От этого, мо-жет быть, и полицеймейстерского места я не получил! (Крутит усы и вздыхает.)

Иван Прокофьич. Ты бы, поди, и здесь травлю завел?

Живновский. Это как богу угодно, Иван Прокофьич!

Лобастов. Нет, ты лучше нам, братец, представь, где ты не перебивал?

Живновский. Это именно так. (Снова становится в позицию.) Где-где я не перебивал! Был, су-дарь, в западных губерниях – там, я вам доложу, насчет женского пола хорошо! такие, сударь, метрески попадались, что только за руку ее возьмешь, так она уж и в таянье обращается! Бывал я и в Малороссии – ну, там насчет фруктов хорошо: такие дыни-арбузы есть, что даже вообразить трудно! Эти хохлы там их вместо хлеба едят, салом закусывают... Бывал и в Петербурге-с – ну, это... именно диковинная штука! Там я скрипача Аполлинари слышал – прежестокое играет! Ка-жется, всякое чувство на одной струне изобразить может!

Живоедова. Вот этакого бы мужа!

Живновский. Только немецкого духу много – этого уж я терпеть не могу!

Ходят все съезжив-шись, пальтишко на нем застегнутый – так, сударь, страмота какая-то!

Иван Прокофьич. Похвалил!

Живновский. Ну, и обману тоже много: не различишь, который мещанин, который дворянин, который умен, который глуп. Насчет ума, я вам доложу, у них даже фортель такой есть: сядет этак и надуется, даже глазом не моргнет, будто думает... А у самого, сударь, только притворство одно, потому что и вместо головы-то каменоломня у него на плечах! Это верно-с!

Лобастов. Ха-ха-ха! а ведь это правда!

Живновский. А из всех мест нет прохладнее места Нижегородской ярмарки! Чего там только нет! Цыганки, тирольки! в одном углу молебен поют, в другом: ой вы уланы! вавилонское столпотво-рение в живой картине! Я вам так доложу, что однажды я неделю там прожил, и была ли хоть одна минута, чтобы трезв был!

Иван Прокофьич. И после этакой-то жизни в Крутогорск попал! по купцам ходит, старое платье-ишко вымаливает! Ин дай ему, Анна Петровна,

сертучишко старый там залежался...

Живновский. Приму с благодарностью-с... всякую лепту приму! Старый чулок пожалуете, и тот приму: к вам же на бумажную фабрику изойдет. Когда ж сертучок-то, матушка Анна Петровна?

Живоедова. Приходи уже!

Иван Прокофьич. А что, брат, если бы тебя полицеймейстером-то к нам сделали, ведь ты бы нас, кажется, всех живьем так и поел?

Живновский (крутя усы). Гм...

Иван Прокофьич. То-то нравом-то ты больно уж озороват! Ты бы вот потихоньку да полегоньку, так, может, и послал бы бог счастья!

Лобастов. Нас бы и съел. (Все смеются.) Ну вот, слава богу, ты и повеселел маленько, Иван Про-кофьич!

Иван Прокофьич. Да этот проходимец хоть мертвого чихать заставит! никаких киятров не надо!

Живновский. Я для благодетеля всем жертвовать готов; хотите, попляшу? я по-цыгански отменно плясать умею.

Иван Прокофьич. Ну тебя! еще уморишь, пожалуй!

Живоедова. Ты бы вот лучше стихи, сударь, сказал, шуму меньше!

Живновский. Перезабыл все, сударыня. В старину много тоже приветствий знал, а нынче все ис-парилось.

Живоедова. Это от водки, сударь.

Иван Прокофьич. (Лобастову). Ну, а как у вас с Гаврюшенькой-то?

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Лобастов (махнув рукой). Не поддается, дружище, не поддается...
Живоедова. Да ты бы его, Иван Прокофьич, по-родительски поучил
маленько... Ведь шутка ска-зать, Леночка-то тридцать первый годок все в
девичестве да в девичестве...

Иван Прокофьич (задумчиво). Что ж, пожурить можно...

Живновский. А вы меня, благодетель, в ту пору позовите! у меня духом все
сделается... у меня, я вам скажу, так это происходит: если начнет малый
артачиться, так и за волосяное царство притя-нуть его можно!

Иван Прокофьич (с сердцем). Да отстань ты, шабала, тут дело говорят!

Живоедова (вздыхая). Чтой-то уж нынче молодые-то люди словно и на себя
не похожи стали: хо-дят точно обваренные, никакого то есть форсу в них
нет! Вот как я видала мужчин, так коли уж очень влюблен да завидит
женское-то платье... ну, сразу словно даже накинется, сердечный!

Живновский. Ну, точно вы мою жизнь рассказываете, Анна Петровна!

Живоедова. Куда тебе, сударь! (Вздыхает.)

Иван Прокофьич. Ну, поглядим... если он тово... так, пожалуй, и пожурить
можно!

Лобастов. Уж сделай милость, отец! (Слышен стук экипажа.)

Живоедова. Чу, никак наши подъехали?

СЦЕНА V

Те же, Настасья Ивановна и Леночка Лобастова. (Леночка очень длинная,
худая и бледная девица.)

Настасья Ивановна (подходя к руке отца). Здравствуйте, папенька! Я к вам
вот Леночку привез-ла.

Лобастов (подводя Леночку). Приласкай ты ее, сударь, горькую!.. хошь и
не в родстве, а по чувст-вам... (махнув рукой) именно сильное желание есть!

Иван Прокофьич. Здравствуйте, сударыня, дайте взглянуть на себя!

(Леночка подходит к руке Ивана Прокофьича и целует ее.)

Лобастов (Леночке). Да ты, голубушка, скажи что-нибудь Ивану-то
Прокофьичу, ну хоть малость какую-нибудь. (Ивану Прокофьичу.) Она, брат,
у меня смирная...

Леночка. Bonjour, grand-papa!* [Здравствуйте, дедушка*].

Лобастов. Вот умница! (Гладит ее по голове.)

Живновский. Смирная жена в дому благоухание разливает – это и в
старинных русских сказа-ниях написано!

Иван Прокофьич. Это ничего... это хорошо, что смиренная. (Леночке.) Да что
ты будто худа, суда-рыня?

Живоедова. Пройдет, Иван Прокофьич; только бы замуж, так через месяц и
не узнаешь ее.

Живновский (вполголоса Живоедовой). Нет, сударыня, уж такую сухопарую
да золотушную ни-какой муж, хошь гренадер будь, не поправит! Вот кабы
этакая кралечка, как наша почтеннейшая Анна Петровна...

Живоедова. Всякому своя, сударь, линия. Вот я хоть и вышла телом, все
счастья нет!

Иван Прокофьич (Леночке). Давно ли же ты, сударыня, Гаврилу-то видала?

Леночка. Ах, grand-papa, я к вам с жалобой. Он совсем у нас не бывает!

Иван Прокофьич. Это худо; ты должна его привлечь к себе.

Лобастов. Вот и я то же ей говорю, да уж очень она у меня смирна.

Живоедова. Смирна-смирна, а с мужчинами тоже не мешает иногда и

порезвиться, душечка! Они это любят!

Лобастов. Слышишь, душечка! Анна Петровна тебе добра желаючи говорит.

Живоедова. Вы бы, голубушка, вот по щечке его потрепали или ущипнули –
мужчины это лю-бят!

Живновский. Ну, как ущипнуть, сударыня!

Живоедова. Разумеется, не по-мужицки, а тоже умеючи.

Леночка. Да как же я могу? ведь он мне чужой!

Живновский. Ничего, сударыня, бог милостив! и свой будет! А главное

дело, я вам доложу, в мужчине характер переломить надо...

Настасья Ивановна. Вот у меня Семен Семеныч на что благой, а тоже не я в
нем, а он во мне за-искивает... Потому что коли я захочу да упрусь, так
что ж он против этого может сделать?

Живновский. Это правда, сударыня. Вот у меня тоже знакомая дама была,
так она как рассердит-ся на супруга своего, так только ножками сучить
начнет, ну, и спасует! (Леночке.) Это вам в по-учение-с...

Иван Прокофьич. Да полно тебе сквернословить-то!.. Ты лучше, Настасья
Ивановна, скажи, что у тебя в доме делается?

Настасья Ивановна. Да что делается? суета только одна – хоть бы комета,
что ли, поскорей! Вот Семен Семеныч говорит, что война будет... хоть бы

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
уж война, что ли! (Зевают.) Да вот еще Семен Семеныч сказывал, что
Прокофий Иваныч веру переменить собирается...
Иван Прокофьич. Как это веру?

Вместе.

Живоедова. Вот новость-то!

Настасья Ивановна. Да я что-то и не поняла.

Иван Прокофьич. А ты толком говори, сударыня.

Настасья Ивановна. Ах, папенька, ведь вы знаете, как Семен Семеныч
говорит скучно... Я с того самого часу, как за него замуж вышла, все зеваю.
Живновский. В малаканы, чай, или в иудействующие* [Молокане,
иудействующие* ? религиозные секты.] записаться хочет?

Лобастов. А я так думаю, что просто бороду обрить задумал... (В
сторону.) Вот я тебе подпущу, брат, колюбрину. (Громко.) Может быть, от
корысти он это делает, Иван Прокофьич, как думает, что ты при конце
жизни находишься, так потешу, мол, старика, а там, как умрет, опять
сермягу надену и лес запущу.

Иван Прокофьич. Ну, он это напрасно.

Живоедова (смотря в окошко). Ах, батюшки! Да никак это он и приехал! да
какой несообразный!

Настасья Ивановна (тоже подбегая к окну). Представьте себе, в сертуке!

Леночка. И без бороды.

Лобастов. Как прикажешь, дружиче?

СЦЕНА VI

Те же и Баев.

Баев (входя, останавливается в дверях). Прикажешь, что ли, сударь,
Прокофья-то Иваныча при-нять? (Иван Прокофьич молчит.) Полно, сударь!
ведь уж гроб у тебя за плечьями стоит, а зла поза-быть не можешь, Иван
Прокофьич! Ведь от твоего же чрева он плод... пустить, что ли?

Иван Прокофьич (в раздумьи Лобастову). Принять, что ли, Андрей Николаич?

Лобастов. Как хочешь, любезный друг!

Живоедова (Лобастову). Да ты что же, сударь, на все стороны егозишь? А
ты прямо говори, при-нимать или нет!

Настасья Ивановна. Охота вам, папенька, со всяким мужиком разговаривать!
велите его про-гнать, да и все тут.

Баев. Больно уж ты востра, как посмотрю я, сударыня! Прокофий-то Иваныч
тебе братец! Так ты чем папыньку-то сомущать, должна бы по-христиански
на мир его склонить... Видно, и взаправду, сударыня, светопреставление
приходит... достанется тебе на том свете на орехи!

Настасья Ивановна. Что это, папенька, у вас всякий приказчик наставленья
читать смеет! Я Се-мену Семенычу скажу, что у вас благовоспитанной даме
в доме быть неприлично...

Иван Прокофьич. Не, тронь ее, Прохорыч!

Баев. Больно они у тебя, сударь, волю с супругом-то взяли! я бы этакую
егозу взял бы да подняв-ши бы рубашончку зелененькою кашкой так бы
накормил... право слово бы накормил!

Живновский (забывшись). Молодец старичина!

Настасья Ивановна. Ну, вы еще что тут? невежа!

Баев. Так вели ты его, сударь, к себе на глазки пустить! Вспомни ты,
Иван Прокофьич, давно ли ты сам из звериного-то образа вышел? Давно ли
ты палаты-то каменные себе выстроил? Давно ли тебя исправник таскал, да
не за волосики, а все за браду: так, стало быть, и у тебя, сударь,
борода была!

Иван Прокофьич (с сердцем). Полно врать, дурак!

Настасья Ивановна. Это ужас! Даже слушать тошно!

Баев. Вспомни родителя-то своего! Вспомни, как он, умираючи, тебе
наказывал: «Ванька! паче всего браду свою береги!» Не зверь же он был, а
человек, да такой еще человек, что, кажется, нынче и не рождаются
такие-то! Вспомни, как он жил! Не скобливши лица, так и в гроб лег, да и
опояску тоже завсегда ниже пупа опускал!

Леночка. Ах, рара, какие непристойности!

Лобастов. Ничего, душечка, потерпи.

Живоедова. Да уйми ты его, Иван Прокофьич! (Иван Прокофьич молчит.)

Баев. Вспомни, сударь, и про супругу свою, Феклисту Семеновну, как она,
сердечная, убивалася, когда ты браду-то свою князю власти воздушная
пожертвовал! От этой от прихоти твоей она, мо-жет, и в гроб пошла!

Настасья Ивановна (Леночке). Ах, та чере, какое невежество!

Баев. Каких, сударь, тебе еще примеров надо?

Лобастов. Ты видишь, Прохорыч, что Иван Прокофьич в здоровьи слаб.

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Живоедова. Да я и не допущу – разве уж через мое грешное тело перейдет
Прокофий Иваныч!

Баев. Не блажи, сударыня!

Иван Прокофьич (взволнованный). Прохорыч!.. я теперь... нездоров... право!

Баев. Растопи ты, сударь, свое сердце! ведь он прихоть твою исполнил,
нарядился, как ты желал... допусти же ты его до себя, дай хоть глазки-то
свои закрыть родному своему детищу.

Настасья Ивановна. Будто уж, кроме мужика, никто другой и закрыть не может!

Баев. Что хорошего-то будет, как чужие да наемщики только и будут кругом
тебя, как владыка небесный к тебе по душу пошлет! С чем ты, с какими
молитвами к нему, к батюшке, на страшный его суд предстанешь? Куда,
скажет, девал ты Прокофья-то? А я, мол, его на наемницу да на блуд-ницу
променял!.. А ведь наемники-то, пожалуй, и тело-то твое, корысти ради,
лекарю на наруга-тельство продадут!

Настасья Ивановна. Ты ври, да не завирайся, однако!

Баев. Не егози, сударыня, я дело говорю!

Живоедова (Ивану Прокофьичу). Что ж, Иван Прокофьич, коли вы холопу
скверному при себе обижать меня позволяете, так, стало быть, я не нужна вам?

Иван Прокофьич. Полно, Прохорыч, перестань!

Баев. Пустить, что ли?

СЦЕНА VII

Те же и Прокофий Иваныч (без бороды и одет в сюртук, впрочем, ниже колен).

Прокофий Иваныч (показываясь в дверях). Батюшка! (Женщины пронзительно
вскрикивают.)

Живоедова (загораживая ему дорогу). Не пушу, не пушу! переступи ты через
мое тело, а не пу-шу!

Баев. Вели, сударь!

Иван Прокофьич (в сильном волнении). Пусти, Анна Петровна, пущай
подойдет! (Живоедова от-ходит в сторону.) Здравствуй, Прокофий!

(Прокофий Иваныч входит робко.)

Живоедова. Хоть бы Семен Семеныч пришел!

Настасья Ивановна. Этот Семен Семеныч только об добродетели умеет
говорить, а вот как нуж-но когда, его и с собаками не същешь!

Баев (Прокофью Иванычу). Кланяйся, сударь, кланяйся родителю в ножки!

Прокофий Иваныч (падая в ноги). Батюшка! прости ты меня! Согрубил,
власть твою великую родительскую преступил.

Живоедова. Поздно спохватился, почтенный!

Баев. Блажен муж, иже и скоты милует, сударыня!

Иван Прокофьич. Я, Прокофий, ничего... я зла на тебе не помню... только
чего же ты теперь от меня хочешь?.. Да ты встань!

Баев. Ничего, сударь, и поползает перед родителем!

Прокофий Иваныч (стоя на коленях). Я, батюшка, ничего не желаю... я
прошу вас, как вы не-мощны, так позвольте только почаще навещать вас...
(Кланяется в ноги.)

Настасья Ивановна. Это вы, братец, не худо выдумали.

Иван Прокофьич. Я, брат, не знаю... у меня и в голове что-то мешаться
стало... что ж, кажется, это можно? (Смотрит на присутствующих.)

Живоедова. При твоих, сударь, немощах... да он тебя, сударь, только из
себя вывести станет!

Иван Прокофьич. Только ты, брат, не часто... я нынче уж не тот, брат...
скоро вот умирать начну!

Баев. Что ж, Иван Прокофьич! чай, не чужой он тебе человек! Если что и
непригожее увидит, как сын простит.

Иван Прокофьич. Да ты встань, брат!

Прокофий Иваныч. Мне, батюшка, не вставать, а помереть бы у ног ваших
следовало за все мои грубости!

Иван Прокофьич. Ничего... это дело прошлое! вставай! (Прокофий Иваныч
встает.)

Настасья Ивановна. Позвольте, братец, посмотреть на вас, как вы
изменились!.. сестрица Мавра Григорьевна, я думаю, вне себя от
удовольствия... Вы из Петербурга, конечно, платье свое выпи-сывали?

Баев. Экая ты заноза, сударыня!

Прокофий Иваныч (кланяясь). И не того достоин я, Прохорыч, за мои
прегрешения. (Кланяется отцу.) Как я в окаянстве своем родительскую волю
презрел...

Лобастов (треплет Прокофья Иваныча по плечу). Это ты хорошо сделал, что
очувствовался... По-целуемся, брат!

Прокофий Иваныч. Покорно благодарим, ваше превосходительство. (Целуются.)

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
живновский (подходя с рюмкой водки). За ваше здоровье, Прокофий Иваныч!
(Пьет.)

Иван Прокофьич (сыну). Ну, что нового в городе делается?

Прокофий Иваныч. Мы, батюшка, люди слепенькие; если что и делается, так,
можно сказать, мимо нас все проходит... в опчествах больших не бываем...
(Кланяется.)

Иван Прокофьич. Ну, как торги?

Прокофий Иваныч. Какие наши торги-с! Конечно, по милости вашей, насущный
хлеб иметь мо-жем-с... платочков да ситчиков рублика на три в день
продашь, и будет целковичек на пропита-нье...

Иван Прокофьич. С малых делов к большим привыкают. Я и сам по крупичам,
брат, собирал.

Прокофий Иваныч. Это конечно-с.

Иван Прокофьич. Как малым доволен будешь, так с большим совладать не
мудрость... это первое правило!

Прокофий Иваныч. Мы вашими милостями много довольны, батюшка... по
грехам своим и не того еще заслуживаем!

Баев. Кланяйся, сударь!

Иван Прокофьич. Не нужно! Я, брат, этого не люблю; это все мужицкая
привычка... Ну, как Мав-ра Григорьевна?

Прокофий Иваныч. Слава богу-с. Сокрушается только, батюшка...

Иван Прокофьич. Ну, приводи ее как-нибудь... сумеречками... посмотрю я
на нее...

Баев (Ивану Прокофьичу). За красоту, сударь, за красоту за себя взял!
живновский (в сторону). Да, бабенка лаковая! чорт их знает, как эти
раскольники делают, а пре-хорошенькие!

Иван Прокофьич. Слышал, брат, слышал.

Прокофий Иваныч. Помилуйте, батюшка, какая у нее красота! Конечно, для
нас, худых, что на-зывается, по Сеньке и шапка. (Кланяется.)

Живоедова (Ивану Прокофьичу). Только где же ты, сударь, эту сенькину
шапку принимать бу-дешь? Ведь к тебе господа хорошие ездят, а она, поди,
в телогрее ходит, да и платка-то у ней но-сового еще не заведено! Ну,
как кто ее в хороших-то горницах увидит: «а это, скажет, что, мол, за
паневщица?» А это, мол, дочка моя!.. Полно, сударь! только страмиться
хочешь на старости лет!

живновский. Это ничего, сударыня. Древние российские царицы завсегда в
телогреях ходили...

Живоедова. Так то, сударь, царицы! Ты вот только без ума перебиваешь
меня завсегда... (Ивану Прокофьичу.) Воля, сударь, твоя, а я ее дальше
кухни не пушу!

Иван Прокофьич. Ты, Прокофий, приводи ее сумеречками... (Вздыхает.) Я,
брат, человек не-вольный...

Лобастов. А ну, Прокофий Иваныч, выпьем-ка, брат, на радости! (Подносит
ему рюмку водки.)

Прокофий Иваныч. Помилуйте, ваше превосходительство, мы много
довольны... (Кланяется и не берет.)

живновский. А что, видно, претит хлебное! вот она где познается
искренность-то!

Живоедова (с иронией). Уж где ему хлебное вино пить!

Иван Прокофьич. Пей, братец!

Баев. Пей, сударь. Вот и я тоже христианин, а пью же. (Прокофий Иваныч
дрожащими руками берет рюмку и выпивает.)

Живоедова. Поди, чай, он отсюда домой пришедши в баню сходит, чтоб
только грех-то с себя этот смыть, что в таком поганом месте был.

живновский (Лобастову). А это именно доложу я вашему превосходительству,
что водка во многих случаях пробный камень. У меня был приятель
исправник, так он, бывало, даже для штуки мне показывал: «а хочешь,
говорит, посмотреть, который в вере не тверд?» – и подзовет к себе да
нальет ему рюмку водки: «выпей, брат!» Так ни за что не выпьет, хоть вы
на куски его режьте!

СЦЕНА VIII

Те же и фурначев. (При виде его Прокофий Иваныч отходит несколько в
сторону.)

фурначев. Папеньке честь имею свидетельствовать мое глубочайшее

почтение! (Целует у него руку.) как изволите в здоровьи своем

находиться? Генерал! Елена Андреевна! Анна Петровна! как поживаете?

(Живновскому.) Здравствуй и ты! Я, папенька, сейчас по дороге встретил
вашего домашнего врача, и он мне сообщил утешительную новость, что ваше

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
здоровье удовлетворитель-но... Дай бог! дай бог! не нужно ни богатств,
ни почестей, если человек не пользуется первым благом в жизни – здоровьем!
Настасья Ивановна (указывая на Прокофья Иваныча). Не видишь, что ли?
посмотри!

Фурначев. А! и вы, братец, здесь? (К Ивану Прокофьичу.) Вам, конечно,
папенька, неизвестно, что вчера Прокофий Иваныч вас за полтора ста тысяч
продавал!

Баев. Полно, сударь, врать-то!

Прокофий Иваныч. Помилуйте, ваше высокородие!

Иван Прокофьич. Как продавал?

Фурначев. Точно так-с. Пришел вчерась ко мне и говорит: «устройте,
говорит, так, чтоб тятенька – извините, папенька, это его собственное
выражение – духовной не оставлял, так я, говорит, вам полтора ста тысяч
подарю». Право-с! Я еще с ним поторговался немного, а то бы за сто тысяч
продал! (Все смеются.)

Иван Прокофьич. Так вот, брат, ты как!

Прокофий Иваныч (падая в ноги старику). Помилуйте, батюшка, никогда
этого не бывало!

Фурначев. Мне, папенька, лгать не из чего-с. Я в этих ихних дрызгах по
наследству вмешательств не имею. Меня чем бог самого благословил, тем
я и доволен, потому что знаю, что ничто так жизнь человеческую не
сокращает, как завистливый взгляд на чужое достояние. Что папеньке
будет угодно, по милости своей, мне назначить, я всем буду доволен, а
если и ничего не назначит, и тут роптать не стану; а пролию печаль мою
ко господу, потому что на это власть их родитель-ская... (Прокофью
Иванычу.) Только мне вот что обидно будет, если, помимо людей достойных,
достанется все тебе, который, кроме черной неблагодарности, ничем другим
не заплатил за все благодеяния...

Иван Прокофьич. Это ты справедливо, Семен, говоришь.

Фурначев. Кто тебя родил? кто тебя воспитал? кто тебя человеком на свет
пустил? и чем же ты заплатил за это? тем, что родителя своего готов на
площади с аукционного торга продать! Нет, воля ваша, папенька, а я не
могу, не могу его видеть!

Баев. Ах, Прокофий Иваныч, Прокофий Иваныч! как же ты это так
родителя-то своего за грошик отдать хотел!

Прокофий Иваныч. Не было этого, батюшка!

Фурначев. Ты говоришь: не было... А кого я вчерашнего числа при Андрее
Николаиче уличал? кого я вчера перед целым светом страмил? Андрей
Николаич! говорите, ваше превосходительство! при вас это было?

Лобастов. Не знаю я, сударь; моя изба с краю, что и слышу, так не знаю!

Иван Прокофьич (иронически). Так ты, значит, отца своего продать
захотел! (Прокофий Иваныч стоит, склонив голову.) Так зачем же ты сюда
пришел? Если ты в наследники втереться хотел, так ведь это умеючи надо
сделать... глуп, брат, ты!

Живоедова. Злость-то в сердце велика, а ума-то вот нет.

Фурначев. Ведь вы то возьмите, папенька, что и дикие – и те к отцам
своим уважение имеют!

Лобастов (указывая на Живновского). Вот он сказывал, что сам
собственноручно отцу своему лоб забрил!

Иван Прокофьич. Господи! да неужто ж и в самом деле вы, как праздника
светлого, ждете не дождетесь, пока я издохну? Откупаться мне, что ли, от
вас надобно, чтобы вы в глаза мне не смот-рели да над душой-то у меня не
сидели? Ведь вы, чай, и умереть-то мне порядком не дадите, так тут и
передеретесь все... (Задышающимся голосом.) Да отстаньте, отстаньте вы
от меня, черти эта-кие!

Фурначев. Вы, папенька, напрасно себя беспокоите! Человек он внимания не
стоящий, а не то чтоб из себя по этому случаю выходить.

Иван Прокофьич. Я вообще, сударь, говорю!

Живновский (в сторону). Пиль, Семен!

Иван Прокофьич (сыну). Что ж ты стал? (Замахиваясь на него палкой.) Вон
отсюда! Счастлив твой бог, что я ходить не могу! (Закашливается.)

Живновский. Это значит в три шеи, без комплиментов!

Иван Прокофьич. Господи! не поразит же господь громом таких Каинов! Да
ступай же ты, аспид ты этакой!

Лобастов. Ступайте, Прокофий Иваныч! Бог милостив, перемелется
когда-нибудь...

Живоедова. Ступай, ступай, пока бока целы!

Фурначев. Это тебе урок, любезный! Если бы тебя смолоду, учили, ты знал

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru бы, что нет гнуснее порока, как лицемерие и неблагодарность! (Прокофий Иванов молча уходит.)
Баев (вздыхая). Видно, и мне на печку итти! Эхма, попутали тебя деньги, Иван Прокофьич! (Ухо-дит.)
(Занавес опускается.)

ДЕЙСТВИЕ IV
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Прокофий Иванов.
Лобастов.
Фурначев.
Живновский.
Трофим Северьяныч Праздников, выгнанный из службы за безобразие, приказный.
Живоедова.
Настасья Ивановна.
Баев.
Дмитрий, лакей.
Мавра, горничная.
Лакеи, горничные, сторожа, кучера и проч.

СЦЕНА I

После III действия прошло около недели. Театр представляет небольшую комнату в доме старика Пазухина. Посреди сцены круглый стол, на котором слепо горит сальная свечка. Вход из глубины сцены; направо дверь в спальню Ива-на Прокофьича, налево две двери, из которых одна, бли-жайшая к задней декорации, ведет в каморку Живоедовой, другая в чулан. Поздний вечер. При открытии занавеса на стенных часах бьет девять. Из средней двери выходят Про-кофий Иванов, Баев, Живновский и Праздников. Последний без речей и несколько, навеселе. По временам, однакож, мычит что-то непонятное.

Баев (осторожно ступая). Вы, государи мои, тише. Сейчас, пожалуй, и Живоедиха нахлынет.

Прокофий Иванов. А ну как да он не умрет, Прохорыч, да найдут нас в чулане? Баев. Умрет, сударь, умрет. Это я беспрременно знаю. Живоедиха уж и Маврушку к Андрею Нико-лаичу спосылала, да спасибо та мне-ка шепнула, а я и велел ей по тебя сходить.

Живновский. Что умрет – это уж будьте покойны... я тому удивляюсь, как он о сю пору духа еще не испустил... крепкий старик!

Баев. Да ты не пьяль горла-то! что разорался!

Живновский. Я, Прохорыч, потихоньку.

Баев. То-то потихоньку! Ты вот на него смотри! (Указывает на Праздникова.) Он как вот есть божий человек! (Праздникову.) Да что, сударь, от тебя будто несет нестройно! Неужто уж на та-кой-то случай воздержаться не мог? (Праздников мычит.)

Живновский. Это он, Прохорыч, на радости... в чайньи за труды посильную мзду получить.

Баев. Да, сударь, уж потрудись. Неравно с ихней стороны обида какая выйдет, так чтоб и свидетели были.

Живновский. Это правильно. В русских обычаях, Прокофий Иванов, свидетели большую роль играют. Ни одного хорошего дела без них не совершается: обозвал непристойно? прислушайте, в рожу свистнул – засвидетельствуйте... Везде свидетели-с.

Прокофий Иванов (в раздумьи). Да, может, он уж и помер, финагеюшка, так в ту пору чем в чу-лане прятаться, прямо бы законным наследником объявиться...

Баев. Не дело, сударь, говоришь. Живоедиха-то Маврушке наказывала: поди, мол, сначала к Анд-рею Николаичу, а от него к Семену Семенычу, да скажи, мол, что умирает барин... Так «умирает», а не умер, значит... ты уж только стой да нишкни, сударь!

Прокофий Иванов. Да ведь зазорно больно, Прохорыч!

Баев. А разве лучше будет, как без тебя-то все добро растащат?

Живновский. Уж это упаси господи, Прокофий Иванов!

Баев. У него, поди, одного платя что напасено! и не увидишь, как растащат... Ты уж Живоедихе-то дай хоть рубликов пятьдесят... будет с нее!

Прокофий Иванов. Да, может, и духовная у них написана, Прохорыч!

Баев. Полно, сударь, какая духовная! Иван-от Прокофьич и слова-то этого боится... да опять и слух бы был, что духовную сделали...

Прокофий Иванов (Живновскому). А ты вот намеднись с ума меня чуть не свел, заверивши про духовную-то!

Живновский. Видел, Прокофий Иванов, сам своими глазами видел!

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Баев. То-то видел! чай, во сне видел!
Прокофий Иваныч. Господи! хоть бы помог бог совершить благополучно!
Живновский. Благополучно лучше всего, Прокофий Иваныч. Это вы хорошо делаете, что бога в помощь призываете: с божьей помощью всякий подвиг легче совершается... вот бы теперь выпить рюмочку да закусить... эхма!
Баев. Ну, и без закуски постоишь! (Прокофью Иванычу.) Так поди ты в темненькую, да поприсутствуйте там сообща... да ты нишкни, сударь, а то как раз накроют... да замок-от, замок-от изнутри запри! (Слышен шум шагов.) Чу! Идет кто-то! (Пазухин, Живновский и Праздников поспешно прячутся в чулане.)

СЦЕНА II

Баев и Живоедова.

Живоедова. Ты как сюда пришел?

Баев. Посмотреть пришел, барина своего проведать пришел... что ж, это не грех, чай!

Живоедова. Много вас тут калек да нищих шатается; только мешают, прости господи!

Баев. Что ж ты, Анна Петровна, нищим меня обзываешь! Вестимо, верой и правдой служил, так и нет ничего... ведь это не грех же, сударыня!

Живоедова (садясь на стул). Да ты уж прости меня, Христа ради, Прохорыч, у меня ништо уж и голова ровно кругом пошла.

Баев. Как соколик-то наш?

Живоедова. Да что соколик! (В сторону.) Поди, чай, далеко он теперь! (Громко.) Больно уж раз-немогся соколик-от; видно, умирать хочет... а все ты же, Прохорыч, со своим Прокофьем – нутка когда удумали старика беспокоить, как он уж на ладан дышать стал.

Баев. Надо же отца с сыном помирить; грех-то ведь весь от Семена Семеныча пошел.

Живоедова. Господи! что только с нами будет!

Баев. А зачем, сударыня, родителя на сына натравливала... ты бы вот взяла да разорвала его, Про-кофья-то Иваныча; ан теперича он тебя разорвет... Духовной-то, видно, не написано, сударыня?

Живоедова. Какая духовная! давеча честью к нему приступала – лежит, как деревянный.

Баев. Уж, видно, надо будет за тебя у Прокофья Иваныча попросить.

Живоедова (встает). Посмотреть, что старик делает...

Баев. А я, сударыня, уж на печку пойду, да ты бы хоть за священником послала...

Живоедова (в сторону). Вот привязался, пострел! (Громко.) Не хочет, финагеюшка: «со мной, говорит, уж сколько раз это бывало!»

Баев. Так, сударыня... ну, а как не встанет... ох, господи! Уйти, видно, мне от греха...

Живоедова. Уйди, финагеюшка. (Баев уходит.)

СЦЕНА III

Живоедова одна.

Живоедова. Помер! Глянула я давеча в сундук, а там билетов, билетов-то... ужаси! Вот и взяла бы, да куда я с ними денусь? Все равно обыскивать станут, только воровкой еще назовут... Да где еще и деньги-то по ним получать? Конечно, кабы мужское мое дело было, взял бы, наплевал на всех да поехал прямо в казну: «пожалуйте, мол, по билетам денежки», а то к кому я с женскою своею простотой пойду? Еще спросят, пожалуй: где билеты взяла, или вот озорник какой-нибудь привяжется: «дай, мол, скажет, голубушка, билетики посмотреть!» возьмет да и убежит с ними! Да и грамоте я не бойко умею... вот родители-то каковы были! купцу на грех продать ничего не значит, а грамоте научить – не стало ума! Хоть бы разнес, что ли, с ними господь поскорей...

СЦЕНА IV

Живоедова и Лобастов (приближается на цыпочках; во время сцены дверь из чулана несколько отворяется, и оттуда выглядывает Прокофий Иваныч).

Лобастов. Скончался, сударыня?

Живоедова. Скончался, сударь! Так вот, перед вечером, спросил голубчик покушать, я бульончи-ку подала, он ничего – выпил, да выпимши-то вздохнул: «ой, говорит, Аннушка, словно я уми-рать хочу!» Я, знаешь, к нему: Христос, мол, с тобой, Иван Прокофьич!» ан он уж и помер! (Пла-чет.)

Лобастов. Царство небесное, сударыня! Он мухе зла не сделал, сударыня!

Живоедова. Уж какое зло! У него, вот я как тебе, Андрей Николаич, скажу, даже мысли злой в голове никогда не бывало! Все, бывало, думает, как бы облагодетельствовать или добро сотво-рить... «Аннушка! – говорит,

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru бывало, мне: – не об тленном богатстве, а об душе своей надобно в этом свете думать! вынь, говорит, гривенничек из ящика нищему брату подать» Самый, то есть, убогий человек был!

Лобастов. Да! сирот много после себя оставил!

Прокофий Иванович (за дверью). Стало быть, тятенька-то умер! что ж, однако, они делать хотят?

Лобастов. А за Семен Семенычем вы послали, сударыня?

Живоедова. Послала, Андрей Николаич, ты ведь и сам так велел.

Лобастов. Это точно; он нам нужен...

Живоедова. Андрей Николаич! я все думаю, что кабы ты сам все это обделал?

Лобастов. А что вы думаете? Решусь! (Приближается к боковой двери и опять возвращается.) Нет, сударыня, не могу!

Живоедова. Да отчего не мочь-то?

Лобастов. Грех-с.

Живоедова. Да ведь он обсчитает нас, беспреренно обсчитает!

Лобастов. Его и обыскать в ту пору можно, сударыня!

Прокофий Иванович (за дверью). Да никак они родителя-то ограбить хотят?

Лобастов. Вы, сударыня, только не троньте его, пускай он в свои расчеты углубится, а я около того времени подкрадусь к нему тихим манером да

двумя пальчиками подмышки... (Показывает.) Так он и все тогда опустит!

Прокофий Иванович. Кто бы вот подумал, что и Андрей Николаич такая же выжига! А впрочем, и то сказать, я же хотел его чарочкой обнести!

(Выходит на сцену.) Желаю здравствовать, ваше пре-восходительство!

(Живоедова вскрикивает.)

Лобастов (с испуга не узнавая Прокофья Ивановича). Ты кто такой? Ты кто такой?

Прокофий Иванович. А я вот насчет тятенькинова здоровья-с узнать пришел.

Лобастов (узнав Прокофья Ивановича). Да как ты смел? да ты знаешь ли, что Иван Прокофийч от тебя, от бездельника, при последних минутках

находится? Уморить, что ли, ты его пришел? да тебя, сударь, на каторгу мало! (Наступает на него.) Вон отсюда!

Прокофий Иванович. Да вы, ваше превосходительство, не трудитесь

кричать-то! Я, благодаря ва-шей милости, очень знаю, что тятенька уж померли; стало быть, теперича в эвтим месте хозяин не вы, а я!

Желательно вам, сейчас вас отселева выгоню?

Живоедова. Ах ты господи! в щелку он, что ли, пролез!

Лобастов (не теряя присутствия духа). Что ты врешь! кто тебе сказал, что Иван Прокофийч по-мер... Вон отсюда! (Толкает его.)

Прокофий Иванович. Зачем врать-с? Да вы не больно прытко-с, не

толкайтесь-с... у меня тутотка и свидетели есть-с... Федор Федорыч!

Трофим Северьяныч! (Живновский и Праздников выходят из засады.)

Живновский. Вот, стало быть, и пригодились, Прокофий Иванович!.. только

раненько вы зрелище-то в ход пустили: вам бы переждать, пока они

воровство там свое учинят, да тут бы и перекусить им горло с поличным!

Живоедова (Лобастову). Говорила я тебе, сударь, что богу всякое греховное дело противно! так оно и вышло. (К публике.) Шутка сказать,

что он задумал! мертвого человека ограбить!

Лобастов (в смущении). Я – я... я ничего тут не понимаю.

Прокофий Иванович. Тут, ваше превосходительство, и понимать больше нечего, кроме того, как вы все во власти моей состоите... (Одушевляясь.) Будет

мне теперича кланяться, мы теперича сами при капиталах находимся!

(Лобастов делает движение, чтоб уйти.) Нет, ты стой, енарал, в дегтю

хвост свой замарал! Так ты меня ограбить хотел? Ты, то есть, жизни

лишить меня желал? Чтоб я с женой по миру ходил, у добрых людей копеечку

просил да голодным брюхом господу хвалил? Этого, что ли, ты хотел? А кто

мне намеднись кланялся да душу свою мне закладывал, только, дескать, над

сыном-то родительскую свою власть покажи? нет, ты скажи, ты ли это был?

Живновский. Ай да Прокофий Иванович! А вы чего, генерал, смотрите! да я бы

на вашем месте давно ему в зубы и в нос, и в щеки, и во всякое место

горячих наклал!

Лобастов. Да ведь ты и сам, любезный, мне клялся, да пошел же после того к Семену!..

Прокофий Иванович. Это нужды нет, что я пошел: я за своим же добром

пошел... Ну, да ладно... у вас свои прожекты были, а у меня теперь свой

есть... (К Живоедовой.) Ты сказывала, что Семен Семеныч воровство-то

должен был учинить?

Живоедова. Он, Прокофий Иванович, он и научил-то всему. Что только с нами

будет! Заберут всех нас в полицию, а оттуда на каторгу...

Прокофий Иванович. А что, разве не хочется? А ведь куда бы тебе, старая ты

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
ведьма, пристойно было по нижегородке-то пройтись! (Смотрит на нее пристально; возвысив голос.) Так я вот как вам скажу: всех я вас отпускаю... может, и часть даже от себя дам...

Живоедова. Уж дай, Прокофий Иванович, что-нибудь!..

Прокофий Иванович. На всех я на вас плюю!.. Вы себе добра хотели – кто добра себе не желает! Ну, и против Андрея Николаича я точно что виноват маленько! Только вот Семен Семеныч – это статья особая! Он меня намеднись с родителем в конец расстроил, так я это помню... Я, сударь, финагея Прохорыча в бархатный кафтан наряжу, из серебряных стаканов поить буду, бисером пол у него в горнице насыплю, а Семена Семеныча в Сибирь упеку!

Живоедова. И поделом ему, сударь!

Живновский. Это вы, Прокофий Иванович, правильно рассуждаете... (К публике.) Удивительно, какое в русском человеке рассуждение здоровое! (К Прокофью Ивановичу.) Да и нас-то, грешных, не забудьте, Прокофий Иванович... Хошь не бисером, хошь песочком каким-нибудь... серебряным-с...

Прокофий Иванович. Никого не забуду! Всех наделю! Хромых, слепых, убогих – всех накормлю! А Семена Семеныча в Сибирь упеку.

Лобастов (несколько повеселее). Да ты совсем, брат, другой человек стал, почтеннейший Проко-фий Иванович!

Прокофий Иванович. Теперича я совсем человек стал другой! теперича я почувствовал, что я со своим с капиталом пользу отечеству принести должен... (Прохаживается по комнате.) Прочь с дороги! Потомственный почетный гражданин Прокофий Иванов сын Пазухин идет!

Живоедова (в сторону). Ну, пошел теперь ломаться!

Прокофий Иванович. Я так теперича, ваше превосходительство, рассуждаю, что у меня кажинный день с утра до вечера бал здесь будет!.. Мавру Григорьевну в бархаты облачим, коляски с Москвы себе выпишем... только сторонись – задавлю!

Живновский. Эх, счастье-то, счастье! как человека-то оно украшает! Прокофий Иванович. А Семена фурнача упеку! в самую то есть в Сибирь, в Туруханск упеку!

Живоедова. Упеки, голубчик, упеки! Он всему злу корень и причина!

Прокофий Иванович. Только слушайте вы мой план... (В соседней комнате раздаются шаги.) Шт... идет! по местам! (Все прячутся в комнату живоедовой.)

СЦЕНА V

Фурначев (входит бережно).

Фурначев. Кончил праведный муж земное свое обращение! жил-жил, добродетельные подвиги совершал, капиталы великие сооружал – и что ж осталось? Так, одно мечтание! Вот наша жизнь какова!.. Подобна сну мятежному, можно сказать, или вот плаванью по многоволнистому океану житейскому! Сколько ни употребляй усилий, сколько ни бейся против волн, а все погрузиться в гладное оных лоно придется... Хорошо еще, если кто, подобно почетному Ивану Прокофьюичу, достояние по себе оставляет, и если достояние это в надежные руки исток свой находит, но куда как должно быть прискорбно, тому, кто умирает нищ и убог, окружен детьми малыми и гладны-ми! Найдет ли он для себя оценку в потомстве? Рыдающая у гроба жена скажет: «на кого ты меня покинул?» Голодные дети возопиют: «зачем ты нас на свет произвел?» Посторонние люди ска-жут: «кто сей презренный человек, который даже крупичицы злата после себя не оставил!..» Страшное зрелище!.. (Задумывается.) Не таков был Иван Прокофьюич: он именно красота и благолепие дому своему был... Однако пора бы и приступить...

Где ж это Анна Петровна? (Подходит к двери, ведущей в комнату живоедовой.) Заперта. Анна Петровна! Анна Петровна! (Ответа нет.) Верно, на кухне... что ж, быть может, это и к лучшему... Можно будет насоро

взять, что следует, да и уйти... кабы помог бог счастливо! (Крестится и направляется к спальне Ивана Прокофьюича, но вдруг останавливается.)

Странное дело... не могу! даже коленки дрожат, точно вот новичок я...

(Задумывается.) Помню я время... тогда еще молодец я был... тоже подобное происшествие было. Умирал тогда покойник батюшка – тоже боялся я, чтобы матушке после него наследство не осталось... В ту пору я бесстрашнее был... вошел, отомкнул сундук и взял... Да что и взял-то! всего и богатства два двугривенных после покойника осталось... А теперь вот миллионами пахнет, вся будущность, значит, тут разыгрывается, а не могу, ноги дрожат... фу! что за вздор! Смелей, Семен! (Вбегает в спальню, но внезапно оттуда возвращается бледный и взволнованный.)

Господи! что это, будто привиделось мне, что старик встал! (Тяжело дышит.) Ведь вот, можно сказать, воображение какие фантазии над нами,

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru смертными, разыгрывает... Господи благослови! (Входит в спальную и уже не возвращается оттуда. В это время дверь из комнаты Живоедовой потихоньку открывается.) СЦЕНА VI Прокофий Иванович и Лобастов (выходят из комнаты). Прокофий Иванович (говорит за кулисы). Вы покедова тамotka в каморке посидите... (К Лобасто-ву.) Ну, а мы с тобой побеседуем на свободе: он, чай, там еще не скоро с деньгами-то управится! Надо ему сперва наворовать, да и в порядок еще привести... Только уж если он оттудова благопо-лучно выйдет, да и начнет считать деньги, так ты уж, сделай милость, уважь меня, Андрей Нико-лаич! как сказано, так подмышки-то его двумя пальчиками и возьми... это самая забавная будет штука! Лобастов. Только прости уж ты Гаврюшу-то! Прокофий Иванович. Простить можно. Правда, обижал он меня... ну, да в то время кто надо мной не наругался! Лобастов. По неопытности, Прокофий Иванович; молод еще очень, да и прочие поощряли... Прокофий Иванович. Да; натерпелся-таки я... Ты возьми то, что Настасья Ивановна за стыд для себя почитала, коли я к руке-то к ее прикоснусь!.. Лобастов. Что говорить, Прокофий Иванович! все мы грешны перед тобой: такая уж, видно, мода была. Прокофий Иванович. А как ты думаешь, Андрей Николаич, ведь славная будет штука, как увидят они, что все их мечтания в прах рассеялись? Ведь у Семена-то Семеныча, поди, даже глаза лопнут от злости! Лобастов. Не дай бог никому, Прокофий Иванович, такое испытание перенести... тяжело, сударь! Прокофий Иванович. А что, если б штука-то ваша удалась? ты бы, чай, первый меня обеими нога-ми залягал в ту пору? (Смеется.) Лобастов. Зачем же ты, сударь, вспоминаешь, коль скоро уж однажды простил меня? (Вздыхает. В сторону.) Да, задал бы я тебе, мужику, трезвону! Господи! чего боялись, то и случилось! все к сиволапу перешло! Прокофий Иванович. Я ничего, сударь, я только к слову. Посмотреть хоть в щелочку, что он там делает. (Осторожно переходит через комнату и смотрит в замочную скважину.) Ишь как чешет! даже словно глаза кровью налились – и не разбирает, все сподряд в карманы прячет... Вот как жесток человек, что после ведь в грязь именные-то билеты бросить придется, а ему ничего, все забирает! (Выпрямляется.) Пугнуть его, что ли, Андрей Николаич, зарычать этак нечеловеческим голосом?.. Ах, аспид ты этакой! (Опять смотрит.) Лобастов. Нет, не кричи, Прокофий Иванович, неравно еще умрет со страху! (В сторону.) Да, на твоей, сударь, улице праздник! А не будь Баева, надавали бы тоже тебе фухтелей – шелковый бы был! Как человек-то, однако, меняется! Вот он за час какой-нибудь сиволап, можно сказать, был, а теперь, поди, тоже понимает, что потомственный почетный гражданин называется!.. (Задумыва-ется.) Ах, Леночка, Леночка! готовил было я для тебя перспективу хорошую, да, видно, богу не угодно! Прокофий Иванович. А знаешь, я что, Андрей Николаич, вздумал? Вот он теперь углубился там; чай, воображает, что никто его не видит и не слышит! Ишь ты, аспид ты этакой! Живновский (выходя на сцену). Прокофий Иванович! Да нам бы хоть выпить, что ли, дали – тоска берет-с! Прокофий Иванович (вскакивает). Да что ты орешь! успеешь еще налопаться! (Опять наклоняет-ся к скважине.) Чу! да он послышал, должно быть, убирать уж начал. (Осторожно переходит сцену.) Живновский. Представление начинается! (Все уходят в комнату Живоедовой; сцена несколько времени остается пустою.) СЦЕНА VII Фурначев (входит весь красный, побрякивает, переминается с ноги на ногу и несколько раз от-крывает рот, чтоб говорить, но некоторое время не может). Анна Петровна! Анна Петровна! Или мне это почудилось? (Подходит к двери и пробует, заперта ли она.) Заперта! Однако как у меня карманы оттопырились, даже безобразно... Теперь, кажется, совершился всей моей жизни подвиг! Еще младенцем будучи, я только о том и мечтал, как бы сделаться человеком достойным и от людей почтенным, но, признаюсь, настоящее приобретение даже все мечты мои превзошло! Мир праху твоему, почтенный муж Иван Прокофийч! много ты постарался! много труда в жизни принял! Возблагодарим создателя нашего, который нас, смертных, разумом одарил. Кабы не он, царь небесный, что же бы мы такое были?.. Однако, это скверно, что у меня карманы так оттопы-рились... Да ведь много же и добра-то у старика нашлось! (Улыбается.) Я уж клал зря: там дома разберу, которые именные, которые безыменные... А велика сила разума человеческого! Вот у не-го билеты-то, может, и за номерами по книгам числятся, так мы и это предусмотрели! У нас вот уж две недели племянник родной в отпуску в Москве считается, а поедет-то он туда только сего-дня в ночь. В этих делах все предусмотреть, все предугадать надо! Хотелось бы вот теперь же по-считать, ан разум-то запрещает: говорит, что заставить кто-нибудь может... И как это счастливо бог привел все кончить: даже

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru живоедихи нет. (Лобастое в это время незаметно подкрадывается сзади; Прокофий Ивановы и прочие тоже выходят.) СЦЕНА VIII Фурначев, Лобастов, Живновский, Праздников и Живоедова. Фурначев (продолжает рассуждать). Нет, лучше уйти. Лобастов (сзади). А позвольте, Семен Семеныч, полюбопытствовать, как велика сумма... Фурначев (оборачиваясь, в испуге). Ах... страм какой! (Видит присутствующих и поправляется.) А, господа, и вы здесь? Ну что, как папенька в своем здоровье? Прокофий Ивановы (несколько раз кланяясь). Мы у вас, Семен Семеныч, хотели об этом узнать, потому как вы сейчас от них вышли... Фурначев (в сторону). Ах ты, господи, как эти карманы проклятые оттопырились! (Громко.) Да... точно... я был у него... он, кажется, почивать изволит. Прокофий Ивановы (подходя к Фурначеву). Так-с; ну, а тут что у тебя? (Указывая на задние карманы.) Живновский. Да; ноша изрядная; мне бы вот хоть одну бумажоночку за ушко вытянуть! Фурначев (Прокофию Иванову). Ты, кажется, забываешься, мужик! Прокофий Ивановы. Так-с; я мужик – это конечно-с, а ты, сударь, вор! Фурначев. Как ты смеешь! Лобастов (уныло). Повинись, брат Семен Семеныч! Прокофий Ивановы. Ничего, пусть сердце сорвет, не замайте его. (Фурначеву.) Так ты, сударь, ду-мал, что ты большой чиновник, так и воровать тебе можно? Так ты, сударь, мертвого ограбить хотел? Живоедова. Ах, господи! страсти какие! Прокофий Ивановы. Ты не постыдился даже имя господне призывать... да ты, может, с мертвого и образ-то снял! Живновский. Прокофий Ивановы! будь благодетель, позволь, сударь, его разложить? Фурначев. Помилуйте, господа! где я? в каком я обществе нахожусь? Вам во сне мечтанье какое-то приснилось! Лобастов (с прежним уныньем). Повинись, брат! Прокофий Ивановы. А вот поглядим, каково мечтанье! Молодцы! Обшарьте-ка его! (Живновский и Праздников бросаются на Фурначева.) Живоедова. Стань, стань лучше на коленки, Семен Семеныч! проси у братца прощенья! Прокофий Ивановы. Шарьте, шарьте, его крепче! Вали всё на стол! (Лобастову.) Постереги, су-дарь: тут и Гаврилова часть есть! (Фурначеву.) Так ты всем, значит, завладеть захотел? даже уча-стникам-то и пособникам своим уделить пожалел! Живоедова. Вот бог-то и попутал за это! Живновский. Вот и ключик тот самый сыскался... Да прикажи ты, сударь, душу на нем отвести? Прокофий Ивановы (рассматривая ключ). Да, и ключ... искусный мастер делал! да не на тот предмет он пошел, на который бы нужно... а хочешь, полицию призову? Фурначев (совершенно растерянный, в сторону). Какое, однакож, неприятное происшествие... (Вслух.) Господа!.. вы, пожалуйста... вы оставьте меня... я домой... я ни в каких скверных делах не замаран... я с благими намерениями, на богоугодные дела, в пользу папенькиной же души хотел... сделайте милость... Живновский. Да прикажи ты, Прокофий Ивановы, хоть на коленки-то его поставить? Фурначев (накидываясь в отчаяньи на Живновского). Да ты что! разве это твое дело... я и сам на коленки встать сумею... (Хочет стать на колени.) Прокофий Ивановы (удерживая его). Перестань! на коленки только перед святым образом да пе-ред родителями становятся... Нет, я за полицией не пошлю, а разделаюсь с тобой домашним по-рядком... Эй, кто там есть? Анна Петровна! пошли кого-нибудь сюда! Фурначев. Помилуйте, Прокофий Ивановы, что же вы надо мной делать хотите? Прокофий Ивановы. А я, сударь, над тобой ту же штуку хочу сделать, которую ты намеднись надо мной сыграл... Я хочу, чтоб и жена твоя, и весь свет чтобы знал, каков ты есть вор и мошенник! (Входит лакей.) Живоедова. Пришел Дмитрий, Прокофий Ивановы. Прокофий Ивановы (лакею). Дмитрий! Видишь ты этого милостивого государя? (Указывает на Фурначева.) Дмитрий. Вижу, сударь. Прокофий Ивановы. Узнаешь ты его? Дмитрий. Как, сударь, не узнать Семен Семеныча! Прокофий Ивановы. Ну, не узнал, брат... Вчера он был точно Семен Семеныч, а нынче он вор и мошенник: он тятеньку мертвого ограбил... с поличным, брат, изловили!.. Лобастов. Перестань, брат Прокофий Ивановы! Фурначев (в сторону). Ах, страм какой! Живновский. Обозлился старик! Прокофий Ивановы. Нет, я его, Иуду, сквозь зеленые луга проведу, я всем его отрекомендую... Ну, позови теперь, Дмитрий, Мавру, а сам беги к Настасье Ивановне и к Гавриле Прокофьичу: пожалуйста, мол, наследство получать... (Лакей уходит.) И поселились-то ведь все поблизости, варвары! так вот, чтоб ни минуты не упустить... воронье проклятое! Мавра (входит). Вам, сударь, что угодно? Прокофий Ивановы. А знаешь ли ты, Мавруша, этого милостивого государя? Мавра. Семена-то Семеныча? Прокофий Ивановы. Так нет же, опозналась ты, Мавруша, не Семен Семеныч он, а вор и мошен-ник!.. Он тятеньку мертвенького ограбил, да поймали голубчика, так он вот теперь как крыса и мечется... (Фурначеву.) Сладко, что ли? Фурначев. Коли уж господь наш

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru столько претерпел, так что ж мы такое будем, если с кротостью испытаний судьбы не несем! Лобастов. Да уж будет, сударь, с него. Прокофий Иванов. Позови, Мавруша, всех: и кучеров позови, и дворников, и сторожей... всех позови! Живновский. Это, что называется, живого огнем испалить! (Задумчиво.) Да, эта манера, пожалуй, еще лучше нашей будет! Фурначев. Прокофий Иванов, да что ж это, наконец, такое! я жаловаться буду! (Хочет уйти.) Прокофий Иванов. Молодцы! придержите его! (Живновский и Праздников бросаются на фур-начева.) Нет, я тебя, сударь, не пущу! Помнишь ты, я к тебе, с простого-то ума, приходил да пол-тора-ста тысяч сулил? что ты тогда надо мною сделал? Ты тогда меня спросил: за кого я тебя при-нимаю, да на позор перед целым светом меня выставил? Так вот знай же теперь, за кого я тебя принимаю! (Комната постепенно наполняется всяким народом.) Православные! видите вы этого аспида? (Указывает на фурначева.) Знайте: он вор и предатель, он старика моего мертвеного ограбил! Вот и ключ от сундука поддельный у него сделан... СЦЕНА IX Те же и Настасья Ивановна. Настасья Ивановна (вбегает в дезабилье). Ах, батюшки! да папенька-то никак уж скончался! Прокофий Иванов. Приказал долго жить, сестрица... Настасья Ивановна. Кому же, кому наследство-то досталось? Прокофий Иванов. Мне, сударыня. Настасья Ивановна. Ну, так я и знала, что этому сиволапу все достанется... Да вы-то чего ж смотрели, Анна Петровна? Вы тоже, верно, с ним заодно! Лобастов. Нет, сударыня, так уж богу угодно! Прокофий Иванов. Ты говоришь: сиволап, сестрица! Оно, конечно, руки у меня не бог знает ка-кие чистые, а ты вот послушай теперича, кто муженек-то твой! (Тащит ее за руку на авансцену к фурначеву.) Хорош! А ты знаешь ли, что он отца твоего мертвого ограбил? Настасья Ивановна. Ах, господи... страм какой! Фурначев. Господи! твори волю свою! (Подымает глазак небу.) Прокофий Иванов. Нет, да ты только представь себе, Семен Семеныч, кабы тебе штука-то твоя удалась! Вот стоял бы ты теперь в уголку смиренхонько, переминался бы с ножки на ножку да утешался бы, на нас глядя, как мы тутотка убиваемся... Чорт ты этакой, ч-ч-о-орт! Трофим Северь-яныч! плюнь, сударь, ему в глаза! (Праздников приближается с полною готовностью.) Лобастов. Да перестань ты, Прокофий Иванов! (Удерживает Праздникова, готового выполнить полученное приказанье.) Прокофий Иванов. Ну, ин будет с тебя! я зла не помню! Анна Петровна! принеси бумажки да чернильный снаряд сюда! (Живоедова уходит.) Лобастов. Что ты еще хочешь делать? Прокофий Иванов. А мы вот заставим этого подлеца расписаться... Ведь он, пожалуй, тяжбу завтра заведет... (Живоедова приносит бумагу и чернила. К фурначеву.) Вот я как об тебе пони-маю: или ты распишись, или я сейчас за полицией пошлю... Лобастов (фурначеву). Покорись, сударь! Настасья Ивановна (мужу). Говорила я тебе, меньше об добродетели распространяйся – вот и вышло по-моему. Прокофий Иванов. Пиши! (Фурначеву приносит стул, он садится и пишет.) «Я нижепоимено-ванный дал сию подписку добровольно и непринужденно»... а ведь ты бы нас так и съел тут!.. пи-ши!.. «добровольно и непринужденно в том, что в ночи с двадцать восьмого на двадцать девятое марта ограбил я, посредством фальшивого ключа, достояние тестя моего, Ивана Прокофьича Па-зухина, находившегося уже в мертвенном состоянии, в каковом гнусном поступке будучи доста-точно изобличен, приношу искреннее в том раскаяние и обещаюсь впредь таковых не замыш-лять»... Теперь подписывайся... Свидетели! подмахните и вы! (Лобастов и прочие поочередно подходят и подписываются.) Ну, теперь все в порядке!.. Вон отсюда! Православные! расступи-тесь! дайте дорогу вору и грабителю, статскому советнику господину фурначеву! (Все расступаются. Семен Семеныч и Настасья Ивановна уходят.) СЦЕНА X Те же, кроме фурначевых. Живоедова. Что ж, сударь! сделай же ты какое-нибудь распоряжение... прикажи своим слугам нового господина величать! Прокофий Иванов. Позвать сюда Мавру Григорьевну и Василису Парфентьевну... чтоб все та-мотка бросили и сюда бежали! (Обращается к присутствующим.) Эй, вы! слушайте! теперича тятенька скончался, и я теперича всему законный наследник! (Бьет по билетам, лежащим на столе.) Все это мое! (Разводит руками.) И это мое, и это мое – все мое! Живоедова (в сторону). Господи! вот как ожесточился человек! Прокофий Иванов. Да, да, все мое! Трофим Северьяныч! (Праздников подходит, шатаясь.) Вставай ты завтра чуть свет, и катай прямо к каменосечцу! чтобы через неделю памятник был, да такой, чтобы в нос бросилось... с колоннами! Живновский. Уж позвольте мне, Прокофий Иванов, надпись сочинить... Прокофий Иванов. Сочиняй, братец! да ты смотри, изобрази там добродетели всякие, да и что в надворные, мол,

Смерть Пазухина. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
советники представлен был... А теперь пойдём, отдадим честь покойнику!
Живновский (к публике). Господа! представление кончилось! Добродетель...
тьфу, бишь! порок наказан, а добродетель... да где ж тут добродетель-то!
(К Прокофью Иванычу.) Прокофий Иваныч! батюшка! (Занавес опускается.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!